

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ —
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Санкт-Петербургский Филиал Института Востоковедения РАН
www.orientalistics.ru

Китаеведение

Изучение Китая в Академии наук до образования Азиатского музея (АМ) не носило систематического характера. Тем не менее уже в XVIII в. можно говорить если не об интенсивном его развитии, то во всяком случае о его начале¹.

Первым китаеведом в АН был акад. Т.-З. Байер (1694—1738), составивший первую в Европе грамматику китайского языка². 22 марта 1741 г. в АН был зачислен переводчиком и преподавателем китайского и маньчжурского языков вернувшийся из Китая И. К. Россохин³. Учредив при АН школу этих языков (1741—1751), И. К. Россохин в течение ряда лет работал также и над переводами с китайского языка, сначала по собственному выбору, а с 1747 г. под руководством Г. Ф. Миллера. Важнейшим трудом И. К. Россохина явился перевод описания маньчжурского народа, который он делал сначала один, а с конца 50-х годов вместе с А. Л. Леонтьевым. Этот труд был закончен в 1762 г. (уже после смерти его зачинателя), а опубликован в 1784 г. (17 томов). С И. К. Россохиным связано и образование китайского фонда библиотеки АН: в 1741 г. у него было приобретено 52 книги, а в 1761 г. его вдова продала АН еще

¹ В. Г. Щебенков, Первые инструкции Российской академии наук об изучении культуры Китая, — «Сообщения ДВФАН», вып. 13, Владивосток, 1960, стр. 97—101; П. Е. Скачков, История изучения Китая в России в XVII—XVIII вв. (Краткий обзор), — сб. «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966, стр. 152—180.

² T. S. Bayer, *Museum Sinicum*, t. I, St.-Pbg., 1730; t. II, St.-Pbg., 1730. Подробно о деятельности Т.-З. Байера см. хранящуюся в АВ (ф. 102, оп. 1, № 2) неопубликованную работу: В. П. Таранович, Академик Т.-З. Байер и его труды по востоковедению. К 200-летию со дня смерти Байера, а также: Babinger, Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738), Leipzig, 1915.

³ В. П. Таранович, Илларион Россохин и его труды по китаеведению, — СВ, III, 1945, стр. 225—241. Библиографию работ И. К. Россохина, как и трудов других русских китаеведов, опубликованных в АН до 1917 г., см.: Ливотова и Португаль, Востоковедение.

55 книг. Кроме того, И. К. Россохин посредничал в приобретении литературы у других лиц (23 книги в 1743 г., 15 книг в 1748 г.), а также при получении книг от иезуитской коллегии в Пекине в 1747 и 1756 гг.

После смерти И. К. Россохина Китаеведение в АН было связано с именем А. Л. Леонтьева, который, хотя и служил в Коллегии иностранных дел, кроме упомянутого многотомного труда опубликовал в изданиях АН в 1771—1784 гг. еще 12 переводов с китайского и Китаеведческие статьи⁴. Им же был составлен первый каталог китайских, маньчжурских, монгольских и японских рукописей, хранящихся в АН⁵. После смерти А. Л. Леонтьева (1786) изучение Китая в АН, по существу, на время прекратилось, хотя в первой половине XIX в. членами-корреспондентами АН по разряду литературы и древностей Востока числились Китаисты П. И. Каменский (с 1819 г.), Н. Я. Бичурин (с 1828 г.) и П. Л. Шиллинг (с 1829 г.)⁶.

Деятельность известных русских Китаеведов XIX в. Н. Я. Бичурина, П. И. Каменского, З. Ф. Леонтьевского, В. П. Васильева, П. Я. Кафарова (Палладия) протекала, как правило, вне Академии наук и Азиатского музея: в Петербургском университете, в Коллегии иностранных дел, позднее в Азиатском департаменте МИДа, в Пекинской духовной миссии и т. п. В Азиатском же музее их работа была эпизодической.

Деятельность музея в области Китаеведения ограничивалась в основном собиранием материалов, чаще приобретением частных коллекций и учетом их. Так, в 1829 г. П. Л. Шиллинг передал письма католических миссионеров в Пекине (Гобиля, Паренина, Перейры и др.)⁷, в 1833 г. была приобретена китайская этнографическая коллекция М. В. Ладыженского⁸ (в 1837 г. передана в только что образованный Этнографический музей). Отдельные части коллекций Шиллинга поступали в 1835 и 1838 гг., а в 1841 г., после его смерти, в АМ была передана последняя часть его китайской коллекции

⁴ Там же, № 89—104.

⁵ «Ueber die bei der hiesigen Bibliothek angesammelten Bücher in Sinesischer, Mandschuischer, Mongolischer und Japanischer Sprache». — *Busse's Journal für Russland*, Th. II, 1794, стр. 126—134, 216—221, 277—280.

⁶ Литературу о Каменском см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, М., 1960, № 18561—18565; Материалы к библиографии Бичурина, опубликованные до 1950 г., см. в работе: Б. А. Малькевич, Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III, М.—Л., 1953, стр. 87—101; позднее — «История исторической науки в СССР. Дюктябрьский период. Библиография», М., 1965, № 10684—10701; о Шиллинге см.: А. В. Яроцкий, О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда, — ОИРВ, VI, 1963, стр. 218—253.

⁷ ЛО ААН, Протоколы Конференции АН от 12 августа 1829 г.

⁸ Там же, от 4 мая 1933 г., § 231.

(в нее входили книги, полученные им от П. И. Каменского, Ст. Жюльена, Абея-Ремюза и др.). Тогда же французский синолог Ст. Жюльен (член-корр. АН с 1845 г.) передал в АМ каталог китайских и маньчжурских книг библиотеки АН, составленный Ю. Клапротом еще в 1812 г., в который вписал китайские названия. Ст. Жюльен неоднократно пользовался библиотекой АМ, пополнял ее китайскими материалами путем обмена дублетами. Он же консультировал П. Л. Шиллинга в приобретении им китайских книг⁹. Консультациями Ст. Жюльена пользовался и акад. Х. Д. Френ при покупке китайских «небесных карт»¹⁰.

Материалы поступали также от П. И. Каменского и С. В. Липовцова (1835), В. П. Васильева (1840), З. Ф. Леонтьевского (1844, 1851 и посмертно 1868 г.), М. В. Ладыженского (1856), Н. Н. Кроткова (1898), Э. В. Бретшнейдера (1902), А. Н. Гудзенко (1902). Больше всего книг поступило из Библиотеки Азиатского департамента МИДа в 1864 г.

В 1818 г. при передаче в АМ китайских книг из Библиотеки АН для составления их описи были приглашены П. И. Каменский и С. В. Липовцов¹¹; они зарегистрировали 279 названий.

Позднее для составления описей и каталогов привлекались также и другие китаеведы: Н. Я. Бичурин (до 1843 г.), З. Ф. Леонтьевский (1843), К. А. Скачков (1856) — последний предлагал передать АМ и свою коллекцию китайских книг, но не сделал этого из-за разногласий среди академического начальства (его коллекция хранится сейчас в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве).

В результате усилий собирателей к 1856 г. в АМ образовалась довольно обширная китайская библиотека в 1369 томов, которой пользовались не только русские, но и зарубежные ученые. Ее состав зафиксирован в известном каталоге М. И. Броссе¹².

Научно-исследовательская деятельность в области китаеведения в АМ в XIX в. была в зачаточном состоянии. Китаеведы служили и публиковали свои работы в других ведомствах. Так, В. П. Васильев, избранный в 1886 г. академиком, опубликовал в академических журналах с 1846 по 1900 г.

⁹ Там же, Протоколы ОИФ, 1844 г., § 31; 1845 г., § 29; 1847 г., § 118, 162; 1849, § 77, 179.

¹⁰ Там же, 1849, § 38.

¹¹ «Каталог китайским и японским книгам, в Библиотеке имп. Академии наук хранящимся, по препоручению господина президента оной Академии Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный Государственной Коллегии иностранных дел переводчиками, коллежскими ассессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым», СПб., 1818.

¹² M. F. Brosset, Rapport à l'Académie Impériale des sciences, sur la Bibliothèque chinoise du Musée asiatique, — Bull. sc., 1841, t. VIII, № 15, стр. 225—240.

всего три статьи на археологические и буддологические темы и несколько археологических и библиографических заметок¹³. Если добавить еще статью о китайской натурфилософии В. Грубе¹⁴, работавшего в 1882—1883 гг. хранителем АМ, то этим будут исчерпаны все академические публикации в XIX в. по Китаеведению.

В начале XX в. Китаеведения в АМ также не было, и изданные труды этого времени — почти одни статьи приглашенных зарубежных ученых: Ф. Хирта и К. Сиратори о китайских материалах по истории тюркских народов¹⁵, Отто Франке о китайских реформаторах конца XIX в.¹⁶

В 1902 г. в Азиатский музей был приглашен Китаевед В. М. Алексеев, только что окончивший тогда университет. На первых порах он занимался составлением каталогов и описей наравне с профессором университета Китаеведом А. О. Ивановским¹⁷. Он же закончил и подготовил к печати индекс к китайской энциклопедии «Ту-шу цзичэн», начатый Э. В. Бретшнейдером¹⁸.

Новый период в развитии Китаеведения в АМ наступает тогда, когда в 1910 г. В. М. Алексеев, возвратившись из командировки в европейские центры Китаеведения¹⁹, а потом из экспедиции по Китаю в 1906—1909 гг.²⁰, начал системати-

¹³ Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 588—596. Литературу о В. П. Васильеве см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 18510—18530.

¹⁴ «Zur Naturphilosophie der Chinesen. Li Khi. Vernunft und Materie. Übers. und erläutert von Wilhelm Grube», — Bull. de l'Acad., 1879, t. XXV, стр. 554—570. О нем см.: «In Memoriam Wilhelm Grube ein Gedenken der Art, des Lebens und des Schaffens dieses hervorragenden Menschen u. Gelehrten für seine treuen Freunde und Schüler, 17 August 1855 bis 1 Juli 1908», Berlin, 1908.

¹⁵ Ливотова и Португаль Востоковедение, стр. 107, 110 (фамилия Сиратори в цитируемой библиографии обозначена как Ширатори).

¹⁶ О. Franke, Die wichtigsten chinesischen Reformschriften vom Ende des neunzehnten Jahrhunderts, — ИИАН, сер. V, 1902, т. XVII, № 3, стр. 047—059.

¹⁷ См.: Musei Asiatici Petropolitani notitiae, I—III, — ИИАН, сер. V, 1902, т. XVII, № 4, стр. 070—077. Здесь мы рассказываем о деятельности В. М. Алексеева в АМ — ИВ; об остальных сторонах его научной и педагогической работы, а также его биографию см. предисловие Л. З. Эйлина в кн.: В. М. Алексеев, Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева, М., 1958, стр. 5—36.

¹⁸ E. Bretschneider and В. Алексеев, Index Encyclopaediae Sinicae... Tu Shu Tsih Ch'eng, denuo editae a 1880, — ИИАН, сер. V, 1904, т. XXI, № 1, стр. 08—012.

¹⁹ Об этой командировке см.: В. М. Алексеев, Заметки об изучении Китая в Англии, Франции, Германии, — ЖМНП, 1906, ч. V, сентябрь, стр. 101—109; октябрь, стр. 277—340.

²⁰ См. изданную посмертно книгу: В. М. Алексеев, В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г., М., 1958. О коллекциях, собранных Алексеевым в этой и последующих (1912 и 1926 гг.) экспедициях, см.: Л. Н. Меньшиков, О китайских коллекциях академика А. М. Алексеева (Лубок, эстампаж, почтовая бумага и художественный конверт), — «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959, стр. 302—313.

ческую обработку и комплектование коллекций и библиотеки по китайской части, хотя он и не состоял еще штатным сотрудником музея. С этого времени китайские коллекции АМ стали пополняться весьма интенсивно. В значительной степени способствовали этому экспедиции в Центральную Азию, хотя и были они по своему составу некитаеведческими (экспедиция П. К. Козлова 1907—1909 гг., экспедиция С. Е. Малова 1909—1911 гг., экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1909—1910 и 1914—1915 гг.), но дали в руки исследователей в числе других материалов множество также весьма ценных китайских. Поступления шли в следующем порядке: в 1910 г. поступило собрание экспедиции Козлова, где кроме ныне всемирно известной Тангутской коллекции были материалы по истории китайского книгопечатания XI—XIII вв. в Китае и сопредельных государствах: чжурчжэньском Цзинь и тангутском Си Ся.

Первыми исследователями китайской части фонда П. К. Козлова были А. И. Иванов и французский синолог П. Пеллио (член-корр. РАН с 1922 г.)²¹, который при посещении в 1910 г. Петербурга обнаружил в фонде ряд ценных раннепечатных книг²².

В 1915 г. в Петроград прибыла коллекция древних китайских рукописей V—XI вв. из Дуньхуана, собранная С. Ф. Ольденбургом во время Русско-туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. Правда, в АМ эти материалы, как и коллекция первой экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1908—1909 гг., поступили позже (в 1929 г.), но уже в 1916 г. японский ученый Ябуки Кэйки имел возможность ознакомиться с ней во время пребывания в Петрограде²³. Обе эти коллекции стали

²¹ ИРАН, сер. VI, [1924], т. XVI, стр. 28; «Записка об ученых трудах Поля Пеллио» (там же, стр. 56—57).

²² Об этой части коллекции Козлова см.: P. Pelliot, *Les documents chinois trouves par la mission Kozlov à Khara-Khoto*, — JA, mai — juin, 1914, Paris, стр. 1—20; К. К. Флуг, По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся, — БВ, вып. 2—4, 1934, стр. 158—163; его же, Из истории книгопечатания в Китае (X—XIII вв.), — СВ, I, 1940, стр. 78—94; его же, История печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв., М.—Л., 1959, стр. 82—83; Л. Н. Меньшиков, Раннепечатные издания из Хара-Хото (китайская часть фонда П. К. Козлова Института народов Азии Академии наук СССР), — КСИНА, вып. VII, Памяти Ю. Н. Рериха, стр. 143—149. Об истории открытия и исследования фонда см.: Е. И. Кычанов, Звучат лишь письмена, М., 1965. А. И. Иванов принадлежит несколько публикаций найденных им в фонде текстов: А. И. Иванов, Страница из истории Си Ся, — ИИАН, сер. VI, 1911, № 11, стр. 831—836; его же, Документы из города Хара-Хото, — ИИАН, сер. VI, 1913, стр. 811—818.

²³ Об этой коллекции см.: С. Ф. Ольденбург, Пещеры тысячи будд, — «Восток», кн. II, 1922, стр. 57—66; К. К. Флуг, Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР, — БВ, вып. 8—9, 1936, стр. 96—115; М. И. Воробьева-Десятовская и др., Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии, вып. I, М., 1963; Fujieda Akira, *The Tunhuang Manuscripts. A General Descrip-*

впоследствии предметом специальных занятий многих ученых, советских и зарубежных.

Много внимания В. М. Алексеев уделял комплектованию научной китаеведческой библиотеки, особенно после того, как в 1912 г., возвратившись из поездки в южные районы Китая²⁴, он был принят в штат АМ на должность ученого хранителя.

Прежде всего В. М. Алексеев приступил к разбору и каталогизации китайских книг, накопившихся к этому времени в библиотеке. В то же время через русских дипломатических работников в Китае — А. Д. Романова, В. Ф. Гроссе, А. Т. Бельчикова, а также через Русскую пекинскую духовную миссию ему удается наладить связь с крупнейшими тогда издательствами «Саоэ шаньфан» и «Эрючжай» и получать все книги, которые они выпускали. Находившиеся в Японии Н. А. Невский, С. Г. Елисеев и О. О. Розенберг присылали японскую литературу по китаеведению, в том числе много томные серии по буддизму и китайской литературе. Все эти поступления сразу же заносились в каталог. В 1917—1922 гг. новая литература из Китая почти не поступала, но с 1922 г. китайские книги начали поступать бурным потоком.

При выписке книг В. М. Алексеев руководствовался разработанным им планом комплектования библиотеки. Целью этого плана было превращение Китайского отдела АМ в лабораторию специалиста-синолога. В первую очередь были выписаны китайские библиографические сочинения и каталоги, затем издания древних классиков, собрания китайской изящной литературы и поэзии, необходимые для анализа сложных текстов, и библиотеки-серии (цуншу), включавшие самые различные тексты по разным областям знания. Были предприняты энергичные меры для пополнения фонда китайских словарей. Все эти издания продолжали поступать в течение ряда лет и составили основу китайской библиотеки и фонда китайских ксилографов.

Главным образом В. М. Алексееву АМ был обязан также образованием коллекции эстампажей, пожертвованных им музею в 1913, 1915 и 1918 гг. Он же сам составил каталог эстампажей, который не был опубликован из-за начавшейся в 1914 г. первой мировой войны (хранится в Рукописном отделе ЛО ИВ). Из экспедиции 1912 г. В. М. Алексеев привез ряд книг и лубков, касающихся китайской народной религии, которые также подарил музею.

tion, — Zinbun, Kyoto, 1966, № 9, стр. 11—13; Л. Н. Меньшиков, Изучение древнекитайских письменных памятников, — ВАН СССР, 1967, № 5, стр. 59—62.

²⁴ Об этой экспедиции см.: В. М. Алексеев, Краткий отчет о командировке в Китай летом 1912 г. — ИРКА, 1913, сер. II, № 2, стр. 75—77.

В эти же годы началась деятельность Алексеева как историка китайской литературы и культуры. Опубликованная им магистерская диссертация, посвященная китайскому поэту Сыкун Ту²⁵, доныне остается образцом исследования сложного китайского текста. Наряду с этим В. М. Алексеев напечатал первое научное исследование фонетики китайского языка²⁶. Ему принадлежат работы по китайскому фольклору и этнографии²⁷. Им была также напечатана статья, в которой он определял задачи китаеведения при изучении китайской литературы и ее особенностей²⁸.

Тогда же началась деятельность В. М. Алексеева как лектора — пропагандиста китайской культуры и как переводчика — прежде всего китайской поэзии и повествовательной прозы (новеллы Пу Сун-лина). Однако эта сторона его многогранной личности во всем блеске развернулась после Октябрьской революции, когда появился массовый слушатель и читатель.

После возвращения из Японии в 1916 г. О. О. Розенберга Алексеев вместе с ним составляет план изучения буддизма в Китае и Японии. За время пребывания в Японии и работы в АМ О. О. Розенберг успел опубликовать два тома большого труда по буддизму²⁹. Следует добавить, что и В. М. Алексеев и О. О. Розенберг сочетали работу в АМ с педагогической деятельностью на факультете восточных языков Петроградского университета, где были подготовлены и готовились после 1917 г. те кадры китаеведов, которые впоследствии вошли в штат АМ.

Однако, несмотря на значительные достижения китаеведения до 1917 г., особенно В. М. Алексеева³⁰, весь дооктябрьский период можно рассматривать как подготовительный, как

²⁵ В. М. Алексеев, Китайская поэма о поэте Стансы Сыкун Ту (837—908). Перевод и исследование (с приложением китайских текстов), Пг., 1916.

²⁶ В. М. Алексеев, Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906—1909), — ИИАН, 1910, сер. VI, т. 12, стр. 935—942.

²⁷ В. М. Алексеев, Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства, — СМАЭ, т. V, вып. I, стр. 253—318. Первая статья, использовавшая материалы этнографических коллекций, появилась ранее: В. М. Алексеев, О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам, — ЗВРАО, 1910, XX, стр. 1—76.

²⁸ В. М. Алексеев, Об определении китайской литературы и об очередных задачах ее историка, — ЖМНП, 1917, ч. XIX, стр. 45—47.

²⁹ О. О. Розенберг, Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам, ч. I. Свод лексикографического материала, Токио, 1916; ч. II. Проблемы буддийской философии, Пг., 1918.

³⁰ О дореволюционных работах Алексеева см.: С. Ольденбург, Записка о трудах Василия Михайловича Алексеева, младшего ученого хранителя Азиатского музея. 1913—1918, — ИРАН, 1918, № 16, стр. 1747—1751.

период сбора материалов, их учета. Правда, и после 1917 г. деятельность этого рода в АМ не прекращалась и была не менее интенсивной, но центр тяжести переместился на научные исследования.

После Великой Октябрьской социалистической революции китаеведение в АМ стало развиваться еще интенсивнее. Этому способствовал ряд причин: расширение штата музея, появление новой массовой аудитории, которая тянулась к знаниям,—отсюда многочисленные публичные лекции, организация выставок; постепенно — и чем дальше, тем больше и всестороннее,—стали применяться марксистские методы исследования; при АМ учреждается институт практикантов, потом аспирантура, музей превращается в научно-исследовательский институт; в числе сотрудников появляются новые специалисты по китайской истории, экономике, философии, языку, литературе.

В 1918 г. В. М. Алексеев избирается на должность старшего ученого хранителя, продолжая свою деятельность по комплектованию и каталогизации библиотеки (в этом году главным образом из Японии поступило около 880 томов китаеведческой литературы).

В. М. Алексеев и О. О. Розенберг разрабатывают, каждый в своей области, проекты составления японо-европейского и китайско-европейского словарей. В результате организуется комиссия по составлению китайско-японско-русско-английского словаря, однако в 1919 г. работа этой комиссии прервалась из-за смерти О. О. Розенберга.

В эти годы в АМ широко развернулась деятельность по пропаганде востоковедных знаний. Только В. М. Алексеев в 1919 г. прочел в различных аудиториях серию лекций: «Культура Китая», «Китайская литература» и др.; О. О. Розенберг прочел лекцию «О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке»; в Петрограде была организована первая буддийская выставка.

В 1919 г. по инициативе и под руководством А. М. Горького было создано издательство «Всемирная литература». В. М. Алексеев вошел в него в качестве члена редколлегии экспертов Восточного отдела³¹. Он предложил общий план переводов на русский язык китайской литературы³²; вскоре в этом издательстве выходят два сборника рассказов Пу Сун-лина (1630—1715), писателя, к изучению и переводу произведений которого В. М. Алексеев обращался неоднократно на протяжении всей своей жизни³³. Изучением творчества Пу

³¹ См.: С. Ф. Ольденбург, Восточная коллегия «Всемирной литературы», — «Восток», 1922, № 1, стр. 106—107.

³² В. М. Алексеев, Китайская литература, — «Литература Востока», вып. 2, Пг., 1920, стр. 5—37.

³³ «Лисьи чары». Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо

Сун-лина несколько позднее занялся также ученик Алексеева — Б. А. Васильев³⁴. Однако печатная продукция издательства составила не более 20—30% всего того, что было подготовлено к 1925 г. китаеводами, прежде всего В. М. Алексеевым. Так, сборник Пу Сун-лина «Рассказы о людях необычайных» был готов еще в 1917 г., но вышел в свет лишь в 1937 г.

После смерти О. О. Розенберга Алексеев некоторое время один ведет всю работу по комплектованию и каталогизации библиотеки и коллекций музея, читает публичные лекции, переводит китайскую литературу и исследует ее. При этом продолжает преподавать в университете, Географическом институте, Институте истории искусства и работает во «Всемирной литературе».

Вскоре, однако, положение коренным образом изменилось. В АМ были приняты китаисты Ю. К. Щуцкий (1920), Б. А. Васильев (1921), К. К. Флуг (1925), А. А. Драгунов (1928), П. Е. Скачков (1930), А. Г. Шпринцин (1930). Б. А. Васильев обратился к исследованиям классической и современной китайской литературы, Ю. К. Щуцкий — даосизма, А. А. Драгунов и А. Г. Шпринцин — китайского языка и его диалектов, К. К. Флуг — китайской библиографии и рукописных коллекций, П. Е. Скачков (вскоре ставший заведующим Библиотекой ИВ) — русской библиографии по Китаю и истории русского и советского китаеведения. В 1930 г. поступили в аспирантуру института П. Х. Сергиенко (экономика Китая), Г. К. Папаян (история классовой борьбы в Китае).

В. М. Алексеев стал признанным главой советского китаеведения — в 1923 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1929 — действительным членом АН СССР.

С образованием в 1930 г. Института востоковедения был создан Китайско-тангутский кабинет во главе с акад. В. М. Алексеевым, секретарем стал Ю. К. Щуцкий (с 1934 г. — А. С. Поляков). В состав кабинета вошли Б. А. Васильев, А. А. Драгунов, К. К. Флуг, П. Е. Скачков, А. Г. Шпринцин, П. Х. Сергиенко, Г. К. Папаян, А. С. Поляков и вернувшийся в 1929 г. из Японии Н. А. Невский. Хотя научные интересы последнего были направлены на изучение Тангутского фонда коллекции П. К. Козлова, он принимал

Чжай чжи-и), т. I, Пг., 1922; «Монахи-волшебники». Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи-и), М.—Пг., 1923; «Странные истории», Л., 1928; «Рассказы о людях необычайных», М.—Л., 1937; «К истории демократизации китайской старинной литературы (о новеллах Ляо Чжай)», — сб. «С. Ф. Ольденбургу», Л., 1934, стр. 37—50, и «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжай», — ИАН СССР, ООИ, 1934, сер. VII, № 6, стр. 437—454.

³⁴ Б. А. Васильев, Древние источники Ляо Чжай, — ИАН СССР, ООИ, 1932, сер. VII, № 1, стр. 23—52.

деятельное участие и в китаеведческих исследованиях. Точно так же К. К. Флуг, работавший в Рукописном отделе ИВ, кроме своих основных обязанностей постоянно выполнял различные задания кабинета. В 1931—1932 гг. техническим секретарем кабинета был В. М. Крайнов.

Впоследствии, в 30-е годы, штат Китайско-тангутского кабинета (с 1932 г. переименован в Китайско-маньчжурский, с 1934 г. — в Китайский; далее везде мы будем именовать его Китайским) неоднократно пополнялся. Бессменным его руководителем был В. М. Алексеев, если не считать краткого периода с апреля по октябрь 1934 г., когда должность заведующего кабинетом временно исполнял Н. И. Конрад. В 1933 г. были приняты в аспирантуру З. И. Горбачева и Л. В. Симоновская (история народных восстаний в Китае). В том же году в штат был принят Н. А. Петров, который, однако, вскоре (в 1935 г.) перешел на работу в НКВД, а потом служил в Советской Армии и только в 1955 г. вновь вернулся в Институт востоковедения.

В 1935 г. состав Китайского кабинета дополнили успешно окончившие аспирантуру А. А. Петров и Л. И. Думан, а также В. М. Штэйн, А. А. Штукин, П. И. Осипов (Чжу У-шан). З. И. Горбачева после аспирантуры была направлена в Наркомпрос, однако уже в 1936 г. была принята в ИВ для работы в Рукописном отделе. В том же, 1935 г. сотрудниками кабинета стали маньчжурист А. В. Гребеншиков, в 1937 г. — маньчжурист В. А. Жебровский, в конце того же года — Л. Н. Рудов.

В 1938 г. в кабинет пришли Г. Ф. Смыкалов, В. Н. Кривцов, Ю. В. Бунаков. Первый уже имел большой стаж научно-педагогической китаеведческой работы, последний, еще будучи студентом, делал на заседаниях кабинета доклады и зарекомендовал себя знатоком истории китайской письменности. В. Н. Кривцов в 1939 г. был призван в ряды Красной Армии и в работе ИВ больше участия почти не принимал. В этом же году к работе кабинета был привлечен китаист-японист Г. О. Монзелер. В 1939 г. в кабинет пришли искусствовед К. И. Разумовский и два аспиранта: Н. И. Любин и Е. Н. Медовая — оба они не успели окончить курса аспирантуры и погибли во время Великой Отечественной войны. В 1941 г. из Рукописного отдела в кабинет перешла также З. И. Горбачева.

Кроме указанных лиц в работе кабинета эпизодически принимали участие также сотрудники других кабинетов и учреждений — В. Н. Казин, Н. Н. Ветюков, В. С. Горелик, М. И. Тубянский, В. П. Таранович, С. А. Козин, Е. Н. Драгунова, Н. В. Кюнер. В эти же годы в работе кабинета принимал участие Эми Сяо (Сяо Сань).

На протяжении всего этого периода перед сотрудниками Китайского кабинета и его руководителем В. М. Алексеевым стояла задача, как уже говорилось, комплектования китаеведческой библиотеки как базы для научной работы. В этой связи очень важны были контакты с зарубежными учеными, научными учреждениями и издательствами. В 1925 и 1932 гг. в Ленинград приезжал крупнейший французский ученый П. Пеллио. Его визиты, равно как и командировка Алексеева в 1926 г. в Лондон, где им были прочитаны лекции в School of Oriental Studies о китайской религии и театре в народном изображении, а также чтение им в августе того же года в Париже лекций по китайской литературе³⁵ в Collège de France послужили основой тех постоянных связей, которые АМ — ИВ имел потом с европейской синологией. Путем переписки были установлены также связи с библиотекой Конгресса в Вашингтоне и многими синологическими учреждениями разных стран.

Растут и укрепляются связи с китаеводами Китая и Японии. В начале 20-х годов посредником между АМ и Китаем был А. И. Иванов, потом В. М. Алексеев, после экспедиции 1926 г. посетивший проездом Пекин и Шанхай, где он установил личные контакты с ведущими учеными, хранителями музеев и библиотек; впоследствии он поддерживал с ними постоянную переписку. В это же время руководитель экспедиции акад. Б. Я. Владимирцов от имени АН организовал обмен литературой с Пекинским государственным университетом, университетом Цинхуа и другими учреждениями. Пополнению библиотеки новейшей литературой весьма способствовало пребывание в Китае Б. А. Васильева в 1924—1925 и 1927—1930 гг.

С японскими учеными связь осуществлялась через Н. А. Невского. В 1928 г. в Японию был командирован также Ю. К. Щуцкий, которому были поручены приобретение японской синологической литературы и установление книгообмена, изучение постановки преподавания восточных языков, а также личные контакты с японскими синологами: Исхама Дзюнтаро, Тогано Сёуном, Кано Наоки и другими. В 1932 г., например, Ленинград посетили японские ученые Оно Гэммё, Умэхара Суэдзи и др., в 1934 г. Китайский кабинет принимал китайских ученых Юань Тун-ли, Цзян Тин-фу, Дун Хуэя, в этом же году с выставкой китайской живописи.

³⁵ Лекции эти частично опубликованы в кн.: Basil Alexeev, *The Chinese Gods of Wealth*, London, 1928; B. Alexéeff, *La littérature chinoise*, Paris, 1937.

си приезжал знаменитый художник Сюй Бэй-хун (Жю Пэон). В 1934 г. кабинет принимал Сильвена Леви, а в 1937 г. — Анри Масперо. И в это время и позднее (после начала в 1937 г. антияпонской войны в Китае) не прерывалась связь с Бэйпинской (Пекинской) библиотекой, переехавшей тогда временно в Чэнду. В 1941—1945 гг. все эти контакты прервались и возобновлены были лишь после окончания войны.

Кроме чисто научных результатов эти контакты дали толчок бурному росту синологических фондов библиотеки. Например, из Китая были получены такие многотомные издания, как даосский канон, словари, индексированные издания китайских классиков, собрания сочинений крупнейших ученых Ван Го-вэя и Ло Чжэнь-юя, серия «Сы бу цун-кань» и многое другое. Книги присылали Пекинский университет, университет Цинхуа, Экономическое бюро КВЖД, а также побывавшие в Китае В. М. Алексеев, Б. И. Панкратов, Б. А. Васильев; значительное количество литературы удалось получить через П. Пеллио в порядке обмена дублетами. Много синологической литературы приходило из Японии — словари, своды китайской классической литературы с японскими комментариями и переводами, альбомы китайской гравюры, многотомное издание китайской Трипитаки, 100-томный палеографический словарь и др. — как дар японского правительства, так и в обмен с издательством «Тоё бунко», Киотским университетом, а также от Н. А. Невского и Ю. К. Щуцкого. От Университета им. Сунь Ят-сена в Москве поступали книги, изданные в СССР.

Кроме коллекций С. Ф. Ольденбурга в ИВ поступили в 1934 г. коллекции рукописей ликвидированного Дальневосточного университета.

Интенсивный рост библиотеки и рукописных фондов требовал постоянной текущей их обработки, которой занимались все без исключения сотрудники кабинета. Но этого мало. В. М. Алексеев добивался превращения кабинета в лабораторию Китаевода.

В 20-х годах каталогизацией и инвентаризацией занимались Алексеев, Шупкий, Флуг, позднее также А. А. Драгунов. В 30-е годы к ним присоединились А. А. Петров, А. А. Штукин — обязанностью последнего был также сбор газетных и журнальных материалов по Китаю. К. К. Флуг кроме текущей регистрации производил перерегистрацию старых фондов и отбор дублетов, которые составили обменный фонд китайской части Библиотеки ИВ. Драгунов составил каталог китайских, корейских и японских книг, изданных в СССР. Щуцкий кроме китайской обрабатывал также японскую литературу синологического профиля.

Одновременно приводились в порядок рукописные фонды.

Так, К. К. Флуг в 1925 г. начал разборку Тангутского фонда П. К. Козлова (материалы Хара-Хото), выделяя попутно китайские рукописи и ксилографы³⁶, с 1928 г. на этой работе сменил его А. А. Драгунов. В 30-х годах Флуг первый принялся за систематическую разборку и инвентаризацию Дуньхуанского фонда и подготовил первые публикации по его рукописям с включением некоторых памятников из других фондов, прежде всего из Хара-Хото³⁷. Он же привел в порядок, снабдил шифрами и инвентарем новый фонд китайских рукописей XVII—XX вв. и опубликовал сообщения о некоторых из этих рукописей³⁸. Из других публикаций отметим работу японского профессора Кано Наоки, написанную по фотокопии одной из рукописей Дуньхуанского фонда, посланной ему Алексеевым через командированного в Японию Ю. К. Щуцкого. Работа была напечатана одновременно в Японии (в журн. «Синагаку», 1929, № 5—1) и в СССР в переводе Ю. К. Щуцкого³⁹. Большой удачей были первые расшифровки А. С. Поляковым китайских документов с горы Муг⁴⁰.

П. Е. Скачков выявил новые материалы к биографии Н. Я. Бичурина⁴¹ в архивах Ленинграда, а А. А. Петров был командирован на поиски его рукописей в Казань⁴². Из архивных материалов в 1936 г. Л. И. Думан начал готовить к печати выполненный Н. Я. Бичуриным перевод известного китайского исторического свода «Зерцало всеобщее, правительству помогающее» («Цзы чжи тун цзянь»), в 1938 г. в эту работу включились В. Н. Кривцов и З. И. Горбачева. Работа по изданию труда Н. Я. Бичурина, однако, не была доведена до конца, и он доньше не опубликован⁴³. Не опубли-

³⁶ К. К. Флуг начал подготовку к описанию китайской части коллекции из Хара-Хото, но не окончил ее, см. АВ, ф. 73, оп. I, № 31, а также: К. К. Флуг, По поводу китайских текстов.

³⁷ К. К. Флуг, Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке; его же, Краткий обзор небуддийской части Китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР, — БВ, 1934, вып. 7, стр. 87—92.

³⁸ К. К. Флуг, Две заметки о новых поступлениях в Рукописный отдел Института востоковедения, — БВ, 1936, вып. 10, стр. 131—138.

³⁹ Н. Кано, О фрагменте старой рукописи «Литературного сборника», хранящегося в Азиатском музее Академии наук, — ИАН СССР, ОГН, 1930, сер. VII, № 2, стр. 135—144.

⁴⁰ А. С. Поляков, Китайские документы, найденные в 1933 г. в Таджикистане, — «Согд. сб.», Л., 1934, стр. 91—121.

⁴¹ П. Е. Скачков, Иакинф Бичурин (1773—1853). Архивные материалы к биографии, — БВ, 1933, вып. 2—4, стр. 79—90.

⁴² А. А. Петров, Рукописи по Китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве ТАССР и в библиотеке Казанского университета, — БВ, 1937, вып. 10, стр. 139—155.

⁴³ Л. И. Чугуевский, Бичуринский фонд в архиве Института востоковедения, — ПВ, 1959, № 5, стр. 136—147.

ликована до сих пор и дешифровка П. И. Кафаровым китайской транскрипции старомонгольского текста «Тайная история монгольской династии» («Юань-чао би ши») ⁴⁴, хотя рукопись Кафарова неоднократно использовалась монголоведами, в частности С. А. Козиным, П. Пеллио, при исследовании этого памятника ⁴⁵. Из других публикаций по архивным фондам, сделанных, правда, не членами Китайского кабинета, отметим работы С. А. Козина о рукописном наследии Н. Я. Бичурина и В. П. Васильева, а также публикацию В. П. Тарановича о И. К. Россохине ⁴⁶. Оба они докладывали на заседаниях кабинета о результатах своих изысканий.

С той же целью создания научной лаборатории китаеведа в Китайском кабинете разрабатывались общие и тематические библиографии и указатели к важнейшим сочинениям китайской литературы, могущим быть использованными как справочники, и к наиболее значительным китаеведческим трудам.

Важнейшим библиографическим трудом этого времени была библиография работ по Китаю на русском языке, составленная П. Е. Скачковым ⁴⁷. Другие сотрудники кабинета также вели постоянную библиографическую работу. В. М. Алексеев еще в 1931 г. начал составление рекомендательного списка справочных пособий по китаеведению, который снабжал обширными аннотациями. К 1938 г., когда книга эта была в основном закончена, ее объем достиг 35 авт. л. К сожалению, это произведение донныне остается неопубликованным ⁴⁸. К. К. Флуг с 1927 г. специализировался по теории

⁴⁴ АВ, Р. 1, оп. 3, № 2.

⁴⁵ С. А. Козин, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niguča tobčiyan*. Юань Чао Би ши, Монгольский обобщенный сборник, т. I, М.—Л., 1941; «Histoire secrète des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres I à VI par Paul Pelliot», Paris, 1949.

⁴⁶ С. А. Козин, О неизданных работах Иакинфа Бичурина (по материалам архива Азиатского музея), — ИАН СССР, ОГН, 1929, № 5, стр. 399—402; его же, К вопросу о неизданных работах Иакинфа Бичурина, — ДАН-В, 1929, стр. 245—247; его же, Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева по данным Азиатского музея Академии наук СССР. К 30-летию со дня смерти В. П. Васильева: 27 апреля 1900 — 27 апреля 1930 г., — ИАН СССР, ООН, 1931, стр. 759—774; Таранович, Илларион Россохин.

О наследии В. П. Васильева делал еще в 1927 г. доклад М. И. Тубянский. См.: М. И. Тубянский, Предварительное сообщение о буддологическом наследии В. П. Васильева и В. В. Горского, — ДАН-В, 1927, 3, стр. 59—64; см. также: М. И. Тубянский, Ф. И. Щербатской. С. Ф. Ольденбург. О рукописном наследии В. П. Васильева, — ИАН СССР, сер. VI, 1926, 18, стр. 1815—1818.

⁴⁷ П. Е. Скачков, Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730—1930, М.—Л., 1932. В 1948 г. библиография была переиздана в США фототипическим способом.

⁴⁸ ЛО ААН, ф. 820, оп. 1, № 788—793; см. также: В. М. Алексеев, Рабочая библиография китаиста.

и истории китайской библиографии, результатом этой работы было несколько статей и фундаментальный труд по истории китайской книги, опубликованный посмертно⁴⁹.

В течение ряда лет в Китайском кабинете проводились регулярные обзоры новой литературы по Китаю, причем каждый из членов кабинета следил за определенной областью. Так, В. М. Алексеев вел библиографические сводки выписываемых книг, делал сообщения о сочинениях по теории китайской литературы, по лексикографии и китайской синологии, систематически информировал о Китае в зарубежных изданиях (Европа, Америка), Щуцкий составлял библиографию по алхимической части даосского канона и по изучению «Дао-дэ цзина», вел библиографию работ наиболее авторитетных японских китаеведов-историков (здесь его консультировал японский ученый Исихама Дзюнтаро), библиографию по изучению иероглифической письменности. Драгунов составлял справочный указатель китайской библиографической литературы и каталогов, вел библиографию китайской диалектологии, Б. А. Васильев следил за новой китайской художественной литературой, Г. К. Папаян реферировал китайские журналы, П. Е. Скачков представлял критические обзоры материалов по экономике Внутренней Монголии и т. д. Это помогало с наименьшей затратой сил держать членов кабинета в курсе всех доступных новинок по Китаю. В последующие периоды существования Института востоковедения (ЛО ИНА) библиографическая работа возобновлялась, но никогда более не была она такой систематической и всеобъемлющей⁵⁰.

В задачи кабинета входило также составление индексов и указателей к важнейшим сочинениям и исследованиям. Алексеев составил, например, указатель к книге о старых китайских издателях «Цзан шу цзи ши ши» и алфавитный список китайских библиотек-серий (цуншу) (1919), Флуг — указатели к китайским текстам работы Алексеева «Поэма о

⁴⁹ К. К. Флуг, Очерк истории даосского канона (Дао цзана), — ИАН СССР, 1930, 4, стр. 239—249; его же, Сы бу цун кань, Шанхай, «Commercial Press», 1928, 2100 бэней, — БВ, 1933, вып. 2—4, стр. 163—166; его же, Из истории книгопечатания в Китае в X—XIII вв.; его же, О каталогах и индексах к китайским библиотекам-сериям (Цун шу), — СВ, II, 1941, стр. 282—288; его же, Об изданиях Бо-чуань Сюэ-хай (Китайская библиотека-серия), — СВ, III, 1945, стр. 268—280. Многие материалы этих статей вошли в его книгу «История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв.», М. — Л., 1959.

⁵⁰ Значительная часть рецензий и библиографических сводов этого времени осталась в рукописи. Опубликованные работы и рецензии см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 18778—18782, 18797—18803, 18880—18892 (В. М. Алексеев), 18901, 18902 (Б. А. Васильев), 19151 (А. А. Петров), 19205 (П. Е. Скачков), 19229—19232 (К. К. Флуг), 19251 (А. Г. Шпонин), 19255 (Ю. К. Щуцкий).

поэте» (1925), к трудам китайских ученых Лю Фу «История китайского национального языка» и Ху Ши «История китайской литературы за последние 50 лет» (1926), сводки синологических определений и номенклатуры (1927), библиографический указатель к сочинениям П. Пеллио (1928), Щуцкий сделал указатель к даосской энциклопедии «Юнь цзи цзинь» (1928), индекс к «Дао-дэ цзину» (1936). Указатели эти не сохранились, но сыграли свою роль при работе над Большим китайско-русским словарем, начатым в 1938 г.

Научные исследования кабинета были в этот период организованы следующим образом: каждый из сотрудников обязан был делать предварительные доклады на заседаниях кабинета о направлении и результатах своих изысканий. Этим достигались две цели: во-первых, все члены кабинета знакомились с текущей работой каждого из сотрудников, во-вторых, путем научных дискуссий определялась правильность направления исследований (до 1930 г., когда был организован Китайский кабинет, доклады выносились на заседания Коллегии востоковедов)⁵¹.

При столь тщательно продуманной организации естественны те успехи китаеведения, которыми ознаменована деятельность кабинета в рассматриваемый период. Направления научной работы в это время были весьма разнообразны (в дальнейшем изложении опускаются библиографические труды, о которых было сказано выше)⁵².

Историки-китаеведы обратились прежде всего к истории развития производственных отношений и истории общественных движений в Китае⁵³.

Это, конечно, не значит, что традиционное изучение китайских исторических источников, начатое еще И. К. Россохиным и Н. Я. Бичуриным, прекратилось. Источниковедение в кабинете было представлено прежде всего трудами Ю. В. Буна-

⁵¹ Об этой стороне деятельности кабинета нет исчерпывающих сведений. Отсылаем читателя к соответствующим выпускам ЗКВ и сб. СВ, где, однако, также зафиксированы не все доклады. Тем не менее и по сохранившимся архивным документам можно судить о значении докладов для развития китаеведческих исследований.

⁵² Ниже мы используем кроме архивных и библиографических материалов также работы, посвященные истории китаеведения в СССР: В. М. Алексеев, 30 лет советской синологии (неопубликованная книга, объемом около 10 печ. л., хранящаяся в гранках, — АВ, Р. I, оп. I, № 192); З. И. Горбачева, Л. Н. Меньшиков, Н. А. Петров, Китаеведение в Ленинграде за сорок лет, — УЗИВАН, т. XXV, М., 1960, стр. 82—101; В. Н. Никифоров, Конец «очеркового» этапа в изучении полуколониального периода истории Китая. (Историографические заметки), — НАА, 1961, № 6, стр. 160—165.

⁵³ З. И. Горбачева, Л. Н. Меньшиков, Н. А. Петров, Китаеведение в Ленинграде за сорок лет, стр. 82.

кова, который первый в СССР обратился к изучению древнейших надписей на гадательных костях (хранящихся ныне в Эрмитаже) конца II тысячелетия до н. э., являющихся почти единственным (наравне с надписями на древних бронзах) источником по истории этого периода⁵⁴. Несколько статей обзорного характера по источниковедению опубликовал также В. М. Алексеев⁵⁵. Историографические исследования мы находим также и в упоминавшихся работах А. С. Полякова и П. И. Осипова.

Изучение нарративных источников по истории Китая намечено было начать с перевода «Исторических записок» Сыма Цяня. Предполагалось, что в этой работе примут участие В. М. Алексеев, Ю. К. Щуцкий, Б. А. Васильев, Л. И. Думан, А. А. Петров, З. И. Горбачева, Л. В. Симоновская (начало перевода по плану 1934 г.), однако по ряду причин работа эта завершена не была, сохранились лишь отдельные переводы из Сыма Цяня, сделанные Алексеевым⁵⁶. Тем не менее в большинстве случаев знание источников послужило основой для изучения истории Китая, которое — и в этом главное отличие его от дореволюционных исторических исследований — в целом было направлено на выяснение характера производительных сил и производственных отношений на различных этапах китайской истории. Из этого вытекали также и другие направления работы историков-китаеведов — изучение общественных движений, народных восстаний и деятельности реформаторов в различные эпохи. Конечной целью историки считали выяснение того, какие формации сменились в Китае на протяжении его многовековой истории.

Древней историей Китая занимался П. И. Осипов, впервые в СССР поставивший вопрос о древнекитайском обществе до VII в. до н. э. и рабстве в древнем Китае⁵⁷. Впоследствии эти же проблемы интересовали Л. И. Думана, опубликовавшего очерки по истории Китая до начала нашей эры и в I тысяче-

⁵⁴ Ю. Бунаков, Гадательные кости из Хэнани (Китай). Очерк истории и проблематики в связи с коллекцией ИКДП (Институт книги, документа и письма АН СССР), М.—Л., 1935 («Труды Института языка и мышления им. Н. Я. Марра», т. III); Ю. В. Бунаков, Аньянские памятники и американское китаеведение (К вопросу о методике издания гадательных надписей в связи с работами Бриттона), — БВ, 1937, вып. 10, стр. 53—74.

⁵⁵ В. М. Алексеев, Судьбы китайской археологии, — ИРАИМК, 1924, вып. 3, т. III, стр. 49—80; его же, Вид китайской древней книги, — ИРАИМК, т. IV, стр. 205—208; его же, Очередное опубликование текстов из Дуньхуанских коллекций, — БВ, вып. 5—6, 1934, стр. 91—93.

⁵⁶ См.: «Китайская классическая проза», стр. 98—155.

⁵⁷ П. И. Осипов, О рабстве в древнем обществе Китая; его же, Пути развития древнейшего общества Китая, — ПК, 1935, № 7—8, стр. 183—203, 134—159.

летии н. э.⁵⁸ В изучении экономических основ древнекитайского общества приняли участие Г. К. Папаян, а также некоторые другие сотрудники кабинета — особенно в связи с дискуссией в 1931 г. об азиатском способе производства⁵⁹. З. И. Горбачева обратилась к истории восстания «краснобровых», ставшей темой ее кандидатской диссертации⁶⁰. Л. И. Думан посвятил свое исследование реформам Ван Мана, правившего Китаем в 9—23 гг. н. э.⁶¹ Историю Китая конца I—начала II тысячелетия н. э. с 1933 г. изучал А. С. Поляков. Он выдвинул три темы по этому периоду: «Борьба уделов в Китае VIII—X вв. н. э. и влияние этой борьбы на развитие производительных сил», «Крестьянские войны в X в. и приход к власти сунской династии» и «Развитие классовой борьбы в период упадка династии Северная Сун и роль феодализма как препятствия развитию производительных сил». Тогда же он сделал доклад, которым открылась дискуссия о периодизации китайской истории. Деятельность А. С. Полякова оборвалась через два года после составления этой программы, и выполнить ее он не успел. Впоследствии периодом Сун занялись В. М. Штейн и Л. И. Думан. В. М. Штейн написал статью «Китай в X—XI вв.⁶²», Л. И. Думан подготовил главу для книги «История Китая в I—IX вв.».

Из более поздних общественных движений сотрудники ИВ изучали восстание Ли Цзы-чэна в 1644—1645 гг. (Л. В. Симоновская)⁶³. Историю Синьцзяна в XVIII—XIX вв. Л. И. Думан посвятил ряд докладов и статей в 1935—1939 гг. Работы эти охватывали как экономическое развитие провинции, так и крупнейшее народное движение XIX в. в Синьцзяне — восстание дунган. Его исследования находились в прямой зависимости от изучения истории дунган Советского Союза, переселившихся в XIX в. на территорию Казахстана и Киргизии.

⁵⁸ Л. И. Думан, Очерки по древней истории Китая (XII в. до н. э.—I в. н. э.), Л., 1938; см. также сообщение о докладе Л. И. Думана «Надельная система в Китае (III—VIII вв.)» в хронике: С. Ростовский, В Институте востоковедения Академии наук СССР, «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 75—85.

⁵⁹ М. Кокин и Г. Папаян, Цзин-Тянь. Аграрный строй древнего Китая, Л., 1930; также: «Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Голеса», М.—Л., 1931 (выступления А. Штукина, В. Штейна, А. Полякова, П. Осипова, Г. Папаяна).

⁶⁰ З. И. Горбачева, Крестьянское восстание краснобровых в Китае в I в. н. э. (18—28 гг.), Л. (Тезисы диссертации на степень кандидата наук).

⁶¹ Л. И. Думан, Реформы Ван Мана (Из социально-экономической истории древнего Китая),— ВДИ, 1940, № 1, стр. 82—98.

⁶² Статья опубликована позднее: В. М. Штейн, Китай в X—XI вв.,— СВ, III, 1945, стр. 80—108.

⁶³ Л. В. Симоновская, Восстание Ли Цзы-чэна (Из истории крестьянской войны XVII столетия в Китае), [Л], 1935.

зии после подавления восстания⁶⁴. Л. И. Думан напечатал также цикл лекций по новой истории Китая, которые он читал в эти годы на Историческом факультете Ленинградского университета⁶⁵.

Наконец, объектом наблюдения и изучения было современное положение Китая, его экономика, изменения, происходившие в китайском обществе, и деятельность различных организаций и лиц. В. М. Алексееву принадлежат обзорные статьи по современному положению Китая, опубликованные в 20-х годах⁶⁶, им же совместно с Б. А. Васильевым и А. А. Драгуновым был написан в 1932 г. очерк по Китаю для сборника «Влияние Октября на Восток»⁶⁷, оставшегося в рукописи. Также не были опубликованы работы Г. К. Папаяна «Проблема аграрных кризисов в колониях и полуколониях» (1931), «Аграрные отношения на Формозе», «Крестьянские восстания в гоминьдановских районах» (1932), А. С. Полякова «Процесс отхода китайской буржуазии от единого фронта в революции 1925—1927 гг.» (1931), Б. А. Васильева «Захват Маньчжурии Японией и национально-освободительное движение в Маньчжурии» (доклад, 1933), В. М. Штейна «Экономические ресурсы Китая в национально-освободительной борьбе против Японии» (1939) и ряд других статей, докладов, сообщений⁶⁸.

В первой половине 30-х годов наиболее систематизированным изложением новой и новейшей истории Китая следует считать работу, в которой принял участие рано умерший (1933) аспирант П. Х. Сергиенко⁶⁹.

Другие авторы посвящали статьи и обзоры различным ча-

⁶⁴ Л. И. Думан, Русская и иностранная литература о дунганском восстании 1861—1878 гг. в Китае, — БВ, вып. 7, 1935, стр. 54—78; его же, Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX в., — БВ, вып. 8—9, 1935, стр. 15—40; его же, Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. (1760—1800). Тезисы диссертации на степень кандидата наук, М.—Л., [1935]; его же, Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в., М.—Л., 1936 (ТИБАН, т. XX); его же, Биянху — вождь дунганского восстания 1862—1877 гг. (Историкографический очерк по китайским и советским архивным материалам), — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 27—54.

⁶⁵ «Новая история Китая», Л., 1938.

⁶⁶ См., например: В. М. Алексеев, Китайская республика, — «Восток», I, 1922, стр. 92—97; его же, Печать в Китае, — там же, стр. 100—102; его же, Данные о китайской торговле, — там же, стр. 102—103; его же, Очерки современного Китая, — там же, II, 1923, стр. 105—117; его же, Золотая монета в Китае, — «Анналы», III, 1923, стр. 299—300.

⁶⁷ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 35, л. 16.

⁶⁸ См. отчеты кабинета за 1931—1938 гг. (там же, ф. 152, оп. 1).

⁶⁹ М. Кокин при участии П. Х. Сергиенко, Китай, — «Очерки по истории Востока в эпоху империализма», под ред. Аб. Алимова и М. Годеса, М.—Л., 1934, стр. 260—363.

ственным проблемам современной жизни Китая и его международных связей. Так, вопросы экономической жизни Китая освещали В. Гамберг⁷⁰ и Н. Н. Ветюков⁷¹. Позднее, во второй половине 30-х годов, по современной экономике Китая специализировался В. М. Штейн, хорошо знавший ее по личному опыту работы в миссии при правительстве Сунь Ят-сена (В. М. Штейн ведал в миссии финансовыми вопросами)⁷². Из всего сказанного видно, что по сравнению с дореволюционным Китаеведением, направлявшим основные усилия на изучение официального Китая и в несколько меньшей степени народного быта, акценты послереволюционного Китаеведения значительно изменились. Теперь Китаеведов в современном им Китае интересуют в первую очередь два аспекта: социально-экономические процессы и классовая борьба.

Наконец, важно упомянуть, что историки Китая ИВ в 1938 г. приняли активное участие в подготовлявшейся тогда к изданию «Всемирной истории». Кроме того, на В. М. Штейна лег труд по редактированию глав по Дальнему Востоку, подготовленных для других изданий (1941). Работа эта подвела как бы своеобразный итог исследованиям историков-Китаеведов в рассматриваемый период, но света она не увидела из-за войны.

Изучение этнографии Китая и китайского искусства первое время (в 20-х годах) проводилось В. М. Алексеевым. Он продолжал начатое еще до революции исследование китайского лубка (народной и новогодней картин). В 1925 г. Алексеев подготовил к изданию альбомы «Китайский театр на народной картине», «Ребус в китайской народной картине»; представил проекты публикаций «Китайские дети, китайские сказки» и «Китайская народная картина», а также связанного с народной картиной исследования «Поэзия привета на китайских посланиях». В том же году он читал до-

⁷⁰ Пребывание В. Гамберга в ИВ было кратковременным (1931—1932), здесь мы приводим статьи, опубликованные или написанные им только в эти годы: В. Гамберг, Наводнение в Китае (июль—октябрь 1931 г.), — ПЖ, № 8—9, 1931, стр. 84—102; его же, К вопросу об экономических позициях японского империализма в Китае, — ПЖ, № 10, 1931, стр. 65—103; его же, Банкротство гоминьдана, — «Революционный Восток», 1932, № 1—2, стр. 253—267.

⁷¹ Н. Ветюков, Путь к нищете и развалу (Экономика Китая и экономическая политика нанкинского правительства в период мирового кризиса. 1920—1932 гг.), — ПМ, 1932, № 7—8, стр. 135—160.

⁷² Приводим также только статьи, опубликованные им в период работы в ИВ, т. е. с 1935 г., опускаая более ранние (с 1926 г.): В. М. Штейн, Обострение борьбы за рынки в бассейне Тихого океана, — «Тихий океан», 1935, № 3(5), стр. 42—62; его же, Денежная реформа в Китае и ее значение, — там же, 1936, № 1(7), стр. 45—58; его же, Экономическое положение гоминьдановского Китая, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1936, № 3, стр. 68—90; его же, Экономика Китая и война, — там же, 1939, № 4, стр. 175—178.

клады о китайской народной картине и связанных с нею китайских культах. Впоследствии доклады на эту тему неоднократно читались в различных аудиториях⁷³. В. М. Алексеев составил обширную программу исследований китайской народной картины, выполненную и донесенную лишь частично⁷⁴.

Изучение китайского театра в ИВ велось несистематически, однако и здесь имеется несколько интересных публикаций Алексеева и Васильева; они посвящены главным образом специфике китайского классического театра⁷⁵ (что стало особенно важным в связи с приездом в СССР в 1935 г. труппы Мэй Лань-фана), отчасти — его истории⁷⁶.

Работы по китайской классической живописи, истории и теории китайского искусства также появлялись лишь изредка, тем не менее отдельные работы Алексеева имелись и здесь, в основном в связи с китайскими эстетическими теориями. Впервые Алексеев обратился к исследованию китайской эстетики в «Поэме о поэте», в рассматриваемый период к этому капитальному труду присоединились исследования трактатов китайских авторов о живописи, музыке, каллиграфии («Поэма о каллиграфе», как и «Поэма о художнике», составившие вместе с «Поэмой о поэте» своеобразную трилогию, опубликованы позднее — после войны)⁷⁷. О китайской теории живописи Алексеев писал также в связи с переводом трактата VIII в. «Тайны живописи» и выставкой китайского искусства⁷⁸.

⁷³ В 20—30-х годах были изданы лишь некоторые из названных работ Алексеева (о более ранних исследованиях говорилось выше): «Китайский культ бога Гуаня», Л., 1926; «Из области китайского храмового синкретизма» («Восточные записки», 1927, № 1, стр. 283—296); «Китайский фольклор и китайская народная картинка» (ВАН, 1935, № 4, стр. 63—68); см. также: В. Алексеев, *The Chinese Gods of Wealth*. Нан-более полно тематика докладов, лекций и исследований по народной картине представлена в последней посмертной публикации: В. М. Алексеев, *Китайская народная картина*, М., 1967.

⁷⁴ См.: В. М. Алексеев, Ботаник В. Л. Комаров и русская китаястика, — ИРГО, 1939, т. XXI, вып. 10, стр. 1422—1425.

⁷⁵ В. М. Алексеев, Китайская сцена, — «Жизнь искусства», 1923, № 5, стр. 6—7; его же, Китай, — «Театр народов Востока», Л., 1927, стр. 3—5; Б. А. Васильев, Театр современного Китая, — ВИЛ, 1930, № 1, стр. 155—164; его же, Китайский классический театр. На спектаклях Мэй Лань-фана, — «Рабочий театр», 1935, № 8, стр. 5—7; его же, Искусство «Грушевого сада», — «Звезда», 1936, № 6, стр. 248—272.

⁷⁶ В. М. Алексеев, Актеры-герои на страницах китайской истории, — ВДФАН СССР, 1935, № 11, стр. 107—120; Б. А. Васильев, Китайский театр, — «Восточный театр», Л., 1929, стр. 196—267.

⁷⁷ В. М. Алексеев, Китайский поэт-пейзажист (Китайская живопись в китайском синтезе XVIII века), — «Звезда», 1945, № 12, стр. 19—33; «Артист-каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма», — СВ, IV, 1947, стр. 19—33. Об этих работах см. также: «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г.», № 1, 11.

⁷⁸ Ван Вэй, Тайны живописи (Китайский катехизис), — «Восток», 1923, кн. 3, стр. 31—36; К выставке китайских картин в Эрмитаже, — «Выставка китайской живописи», Л., 1934, стр. 5—29.

Систематическое изучение истории китайского искусства началось в 1939 г., когда в ИВ был принят К. И. Разумовский. В 1940 г. он сделал на конференции в Музее восточных культур два доклада: «Древнейшее китайское искусство» и «Китайское искусство эпохи Хань», опубликовал обзорную статью по истории китайского искусства⁷⁹.

Публикация исследований К. И. Разумовского не состоялась из-за войны. В отделе Востока Государственного Эрмитажа сохранились две его работы: «Китайские теории портрета» и «Китайская бронза». Первая из них, получившая блестящий отзыв Алексеева⁸⁰, недавно подготовлена к печати и сдана в издательство⁸¹.

Большой размах приобрело в 20—30-х годах изучение китайской философии. В этой области кроме самого Алексеева работали также такие выдающиеся специалисты, как Ю. К. Щуцкий, А. А. Петров, В. М. Штейн. В. М. Алексеев проявлял особый интерес к проблемам конфуцианского мировоззрения в Китае, хотя и опубликовал только две работы на эту тему⁸².

Историю даосизма изучал Ю. К. Щуцкий. Ежегодные отчеты его дают картину всех этапов работы над даосизмом в течение двенадцати лет (1925—1937). Начав с китайских работ по даосизму (доклад о книге Сэ У-мэна), Щуцкий перешел затем к исследованию «Книги перемен» («И цзин»), которая легла в основу почти всей китайской философии. В связи с этой книгой Щуцкий обращается впоследствии к более поздним китайским конфуцианским и даосским философским сочинениям, так или иначе трактующим «Книгу перемен»; его интересуют: «Книга чистоты и покоя» и комментарии к ней (1927)⁸³, трактат «Ле цзы» (1928)⁸⁴, сунские конфуцианцы XI в. Чжоу Дунь-и и Чжан Цзай, философ

⁷⁹ К. И. Разумовский, Китайское искусство,— сб. «Китай», М.—Л., 1940, стр. 326—342.

⁸⁰ «Он был один из редких китаистов, получивших научную степень по предъявлению работы, но, несомненно, достойнейшим из всех, ибо его диссертация «Китайские теории портрета» по своей исследовательской фактуре, основательной продуманности, целостности, а главное, новизне могла бы быть достойной и докторской степени...» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 5, л. 11).

⁸¹ Еще одна его работа — «Китайское искусство в коллекциях Государственного Эрмитажа» — хранится в АВ, Р. I, оп. 1, № 158.

⁸² В. М. Алексеев, Учение Конфуция в китайском синтезе,— «Восток», 1923, кн. 3, стр. 126—149; Утопический монизм и «китайские церемонии» в трактатах Су Сюня (XI в. н. э.),— СВ, III, 1945, стр. 146—182. Последняя работа есть результат исследований, начатых докладом на XVII МКВ 1928 г.: «Проблема совершенномудрого человека в теории классицизма Су Сюня».

⁸³ См. также ст. Ю. К. Щуцкий, Даос в буддизме,— ЗКВ, 1927, т. I, стр. 235—250.

⁸⁴ Ю. К. Щуцкий, Основные проблемы истории текста Ле цзы,— ЗКВ, т. III, 1928, вып. 2, стр. 279—288.

XVII в. Ван Ян-мин (1929—1931). Параллельно в 1928—1929 гг. он изучает японских философов и комментаторов «Книги перемен», таких, как Накаэ Тодзю, Кумадзава Бандзан, Исихама Дзюнтаро. В 30-х годах основное внимание Щуцкого было обращено на даосские классические книги: «Дао-дэ цзин», «Ле цзы», «Чжуан цзы», начата была работа над книгой «Тай-сюань цзин» Ян Сюня и комментарием философа III в. Ван Би на «Книгу перемен». Все эти и иные изыскания завершились в 1937 г. обширным исследованием под названием «Китайская классическая „Книга перемен“»⁸⁵.

Ю. К. Щуцкий первый обратился к проблеме материалистической философии в древнем Китае. Это направление было позднее развито в исследованиях ученика Щуцкого — А. А. Петрова, который, начав с обзоров изучения китайской философии⁸⁶, вскоре представил первое самостоятельное исследование о философе-материалисте III в. н. э. Ван Би⁸⁷. Затем Петров занимался другими китайскими философами-материалистами: Ян Чжу, Ван Чуном, Фань Чжэнем⁸⁸. Ко всему этому нужно добавить, что Петров был одним из редакторов сборника «Китай», членом редколлегии журнала «Советское востоковедение», что ему принадлежит первый в русском Китаеведении общий очерк истории китайской философии⁸⁹. Впоследствии А. А. Петров перешел на дипломатическую работу в Китае и больше не вернулся к научной деятельности. Дальнейшее изучение китайского материализ-

⁸⁵ Ю. К. Щуцкий, Китайская классическая «Книга перемен». Опыт филологического исследования и перевода (Тезисы диссертации), Л., 1937. С некоторыми сокращениями исследование опубликовано посмертно: Ю. К. Щуцкий, Китайская классическая «Книга перемен», М., 1967. История исследования подробно изложена в предисловии акад. Н. И. Конрада, библиографическая справка о работах Щуцкого составлена Н. А. Петровым.

⁸⁶ А. А. Петров, Философия Китая в русском буржуазном Китаеведении (Критико-библиографический очерк), — БВ, 1935, вып. 7., стр. 5—28.

⁸⁷ А. А. Петров, Ван Би и основные проблемы его философского мировоззрения (226—249 гг. н. э.). Тезисы диссертации на степень кандидата наук, Л., 1935; его же, Ван Би [226—249]. Из истории китайской философии, М.—Л., 1936.

⁸⁸ А. А. Петров, Из истории китайской философии, — «Сборник научных работ комсомольцев», Л., 1936, стр. 434—488; его же, Из истории материалистических идей в древнем Китае (Ван Чун, I в. н. э.) — ВДИ, 1939, № 3(8), стр. 49—71; его же, Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая, — СВ, I, 1940, стр. 174—211. Книга о Ван Чуне полностью была опубликована посмертно: А. А. Петров, Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, М., 1954. Перевод трактата Фань Чжэня, выполненный А. А. Петровым, см.: Ян Хин-шун, Трактат Фань Чжэня (V—VI вв. н. э.) «О смертности духа», — «Вопросы философии», 1955, № 6, стр. 144.

⁸⁹ А. А. Петров, Очерк философии Китая, — сб. «Китай», стр. 248—272.

ма было развито в исследованиях Ян Хин-шуна, Л. Д. Позднеевой, Ф. С. Быкова и других, а также в трудах китайских ученых.

Широким охватом и разнообразием тематики отличались лингвистические исследования сотрудников Китайского кабинета: работы по фонетике, в том числе исторической, латинизации китайской письменности, диалектологии, грамматике. Наряду с этим впервые в СССР было начато изучение некоторых некитайских языков Дальнего Востока: аннамского (вьетнамского), киданьского и тангутского.

Фонетика китайского языка в дореволюционном китаеведении была представлена одной весьма важной работой В. М. Алексеева — «Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом» (1910). На основе этой работы Алексеев (в советское время, до 1938 г.) вел в ЛГУ и ЛВИ курсы китайской фонетики. Однако наиболее интенсивно в этой области работал А. А. Драгунов. В начале своей научной деятельности он опубликовал три работы по исторической фонетике китайского языка, вызвавшие живейшие отклики в мировой синологии⁹⁰. В этих работах Драгунов применил новый тогда метод реконструкции фонетики среднекитайского языка по некитайским записям — методика, продолженная в исследованиях Ло Чан-пэя, М. Левницкого и Б. Чонгора⁹¹.

Занятия фонетикой современного китайского языка во многом определили участие китаеведов АН в работе по так называемой латинизации — созданию алфавитов на основе латинской графики для вообще бесписьменных дунган Киргизии и Казахстана и для (в подавляющем числе иероглифически неграмотных) китайских эмигрантов в Дальневосточном крае и Восточной Сибири. В разработке дунганского алфавита принимали участие А. А. Драгунов (с 1928 г.) и отчасти Б. А. Васильев⁹².

Разработка китайского латинизированного алфавита началась в конце 1928 г. в московском НИИ по Китаю при

⁹⁰ A. Dragunov, Contribution to the Reconstruction of Ancient Chinese, — *T'oung Pao*, 1928, № 1 (работа дважды переиздавалась в Китае — в 1931 и 1936 гг.); «hPHAGS-PA Script and Ancient Mandarin» (ИАН СССР, ОГН, 1930, № 9, стр. 627—674; № 10, стр. 775—797); «A Persian Translation of Ancient Mandarin», ИАН, ООН 1931, № 3, стр. 359—375. Об этой стороне его деятельности, а также о других его трудах см.: С. Яхонтов, А. А. Драгунов, — КСИВАН, XVIII, 1956, стр. 89—93.

⁹¹ Весьма любопытна в этом отношении работа: E. R. Hore, Karlgren's Glottal Stop Initial in Ancient Chinese. With Particular Reference to the hPhags-pa Alphabet and to Certain Points of Linguistic Psychology, Ottawa, 1935. Она построена целиком на материалах, впервые опубликованных Драгуновым.

⁹² Пользуемся случаем выразить благодарность А. Г. Шпринцину, оказавшему нам помощь в написании раздела о латинизации и диалектологии.

Коммунистической академии. В мае 1930 г. московская группа включила в свой состав А. А. Драгунова, а осенью 1930 г. в только что организованном тогда ИВ была создана комиссия по латинизации китайской письменности во главе с акад. В. М. Алексеевым. В комиссию вошли А. А. Драгунов (секретарь), Б. А. Васильев, Н. А. Невский, Г. К. Папаян, А. С. Поляков, П. Е. Скачков, Ю. К. Щуцкий⁹³. Однако активными сотрудниками комиссии были не все ее члены. Наиболее интенсивной была деятельность В. М. Алексеева, А. А. Драгунова, Б. А. Васильева и включившегося в работу комиссии в октябре 1930 г. А. Г. Шпринцина. Комиссия работала алфавит, правила орфографии и провела экспериментальные занятия в специально организованной группе китайских рабочих Ленинграда.

В начале 1931 г. выработанный в ИВ алфавит был согласован с Московской группой по латинизации и утвержден ЦК НА, после чего осенью 1931 г. во Владивостоке состоялась 1-я конференция по латинизации китайской письменности, принявшая алфавит. Делегатами от ИВ на этой конференции были Драгунов и Шпринцин, выступившие с докладами, а затем избранные в состав ДВК НА.

В последующие годы Драгунов и прикомандированная к ИВ Е. Н. Драгунова принимали активное участие в практической деятельности по латинизации и неоднократно посещали Хабаровск и Владивосток. А. Г. Шпринцин был командирован ИВ туда же для работы в ДВК НА, где провел 1932—1935 гг. Активное участие в латинизации принял также и ученик Алексеева из ЛГУ Н. И. Любин. В течение ряда лет он был одним из руководителей ДВК НА, редактором китайских латинизированных изданий. В 1939 г. Н. И. Любин вернулся в Ленинград и поступил в аспирантуру ИВ, откуда ушел добровольцем на фронт и погиб в 1942 г.

Уже в 1931 г. появились первые публикации Алексеева и Драгунова, посвященные предварительному обобщению проведенных исследований по латинизации, а к 1-й конференции по латинизации во Владивостоке Шпринцин издал под редакцией Эми Сяо опытный букварь на китайском алфавите⁹⁴. В последующие годы в ДВК был издан ряд составленных

⁹³ Переписку о создании Временной комиссии по латинизации китайской письменности в Китайском кабинете ИВ (24 октября 1930 г.) и состав ее см.: ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1930), № 13, лл. 59—60; декларацию инициативной группы по латинизации и ее состав см. там же, лл. 61—62; протокол заседания группы, лл. 63—65; об организации Высших латинизационных курсов (там же, оп. 1 (1932), № 6, лл. 12, 15).

⁹⁴ В. М. Алексеев, Предпосылки к латинизации китайской письменности, — ВАН, 1931, № 4, стр. 1—6; А. Драгунов, Китайский латинизированный алфавит, — «Культура и письменность Востока», т. IX, 1931, стр. 80—92; А. Г. Шпринцин, Латинизированный китайский букварь, «Sh Ping cing, Latinhuadi zhungwen gunghen duben», Далькрайиздат, 1931.

Драгуновым и Шпринциным совместно с китайскими товарищами учебных и методических пособий по обучению китайцев родному языку на новом алфавите⁹⁵.

И до настоящего времени единственной обобщающей работой, в которой иероглифическая и алфавитная письменность сопоставляются в широком историко-культурном аспекте, остается изданная в 1932 г. в серии научно-популярной литературы книга В. М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация»⁹⁶.

Занятия А. А. Драгунова, Е. Н. Драгуновой, Б. А. Васильева и А. Г. Шпринцина диалектологией в значительной степени были связаны с их участием в движении за латинизацию. Открытие А. А. и Е. Н. Драгуновыми особой группы диалектов Сянтань и Сянсян в Хунани⁹⁷, исследование дунганского языка, являющегося обособившейся группой китайских диалектов провинций Ганьсу и Шэньси⁹⁸, — все это было результатом изучения диалектов сначала лишь в целях латинизации. То же можно сказать и о работе над дунганским языком Б. А. Васильева⁹⁹.

Участие А. Г. Шпринцина в латинизационной деятельности способствовало начатое им еще в 1928 г. изучение шайдунских говоров и смешанного китайско-русского диалекта на Дальнем Востоке¹⁰⁰.

⁹⁵ А. Драгунов и С. Чжоу, Начальная грамматика китайского языка для школ малограмотных — A. Lung ho S. Zhou, *Wenfa shubu diaokoshi*, Хабаровск — Владивосток, 1934, книга дважды переиздана в 1936 г. в Китае: в Шанхае и в Тайюани, оба раза в иероглифическом виде; Шпринцин, Обучение взрослых грамоте на новом китайском алфавите, Хабаровск, 1933.

⁹⁶ Эта книга вызвала излишне резкий и во многом несправедливый отклик других участников латинизационной деятельности, см.: «За или против латинизации?», — ПМ, 1932, № 3, стр. 129—139.

⁹⁷ См.: Е. и А. Драгуновы, К латинизации диалектов Центрального Китая. Диалекты Сянтань и Сянсян (Хунань), — ИАН СССР, VII сер., ООН, 1932, № 3, стр. 240—269.

⁹⁸ А. и Е. Драгуновы, Дунганский язык, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 117—131; А. А. Драгунов, Исследования в области дунганской грамматики. I. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу), М.—Л., 1940, ТИВАН, т. XXVII).

⁹⁹ Известно, что Б. А. Васильев докладывал об этих работах на заседаниях Китайского кабинета: в 1932 г. им были прочтены доклады «О дунганском языке» и «Вопросы дунганской терминологии», в 1934 г. — доклад «О дунганском синтаксисе». Тексты докладов, однако, не сохранились.

¹⁰⁰ Китайско-русский диалект был темой его дипломной работы в ЛГУ. В 1929 г. после окончания ЛГУ Шпринцин был по инициативе Алексеева командирован АН на год в ДВК для диалектологических исследований по китайскому языку. Доклад о результатах экспедиционной работы Шпринцин делал в кабинете ИВ осенью 1930 г. В 1932 г. была опубликована его частная статья о китайско-русском диалекте. Обзорная статья предложена к изданию в 1968 г. в Тихоокеанском сборнике Географического общества СССР; в корректуре (с которой автор нас любезно ознакомил) осталась статья: А. Г. Шпринцин (1938), О так называемых китайских диалектах и общелитературном языке.

Диалектологией в связи с изучением аннамского (вьетнамского) языка занимался также Ю. К. Щуцкий. Так, в 1931 г. он составил указатель чтения по кантонскому диалекту к аннамским иероглифам и вместе с А. А. Драгуновым подготовил хрестоматию и глоссарий по кантонскому диалекту (обе эти работы не сохранились).

Исследования грамматики китайского языка связаны главным образом с именем Драгунова. Как уже говорилось, ему и Е. Н. Драгуновой, а также Б. А. Васильеву принадлежали первые грамматические очерки дунганского языка. Подлинным новатором Драгунов (часто также в соавторстве с Е. Н. Драгуновой) выступил в разработке вопроса о системе частей речи в китайском языке. Он высказал мнение, что система частей речи и их признаки в китайском и европейских языках различны. Части речи китайского языка Драгунов рассматривал как лексико-грамматические категории (первоначально он их именовал «семантико-грамматическими»), т. е. как группы слов, объединенные не столько по грамматическим признакам, сколько по выражаемым ими наиболее общим смысловым категориям. Для определения этих категорий важнейшим критерием является возможность для слова становиться тем или иным членом предложения. Впервые эта идея была высказана в начальной грамматике, написанной вместе с Чжоу Сун-юанем для дальневосточных школ¹⁰¹. Последующие грамматические работы Драгунова в значительной части посвящены исследованию, обоснованию и развитию этого положения¹⁰². В наиболее полной форме и наиболее всесторонне Драгунов представил свои взгляды и исследования в последующих своих работах, выполненных во время войны и после нее. Интересовал Драгунова и древнекитайский язык — в 1936 г. он начал работу «Проблема вида в древнекитайском языке», но завершить ее ему не удалось¹⁰³.

Аспирантка Е. Н. Медовая предполагала посвятить свое исследование китайским пословицам в лингвистическом аспекте, однако работа эта была прервана ее смертью в 1942 г. во время блокады Ленинграда.

Ряд исследований и докладов был связан с изучением китайского языка и письменности в свете яфетической теории

¹⁰¹ A. Lung хо S. Zhou, Wenfa chubu giaokoshu.

¹⁰² А. и Е. Драгуновы, Части речи в китайском языке, — СЯ, т. III, 1937, стр. 117—121; А. А. Драгунов, Грамматическая система современного китайского разговорного языка (работа окончена в 1941 г.), Л., 1962; эта же идея проводится в исследованиях дунганского языка; см. также: А. А. Драгунов, Китайский язык, — сб. «Китай», стр. 343—351; его же, Китайский язык и письменность, — БСЭ, изд. 1, т. 32, 1936, стр. 759—762.

¹⁰³ Архив А. А. Драгунова хранится сейчас в АВ (ф. 132).

Н. Я. Марра¹⁰⁴. Ю. К. Щуцкий делал доклады о выяснении стадильности в китайской иероглифике¹⁰⁵, терминах родства и терминах торговли с точки зрения этой теории (1930), производил яфетическое обследование терминологии ездовых животных в Китае, терминов древнекитайской литературы и аннамского языка (1931). Ю. В. Бунаков пытался применить теорию стадильности в исследованиях китайской письменности.

Работы Алексева в области китайского языка в это время носят преимущественно прикладной характер: вопросы преподавания китайского языка и вопросы филологии и лингвистики применительно к исследованию древнекитайских текстов. Эта тематика находит отражение в серии его докладов, а также в отчетах о готовых работах и в опубликованных рефератах статей и книг. В 1928 г. Алексеев представил книгу «Китайский язык в изучении и преподавании», в 1930 г. прочел доклад «Филология и лингвистика в области исследования древнекитайских текстов», в 1935 г. начал работу над книгой «Опыт грамматики китайского языка как культурного целого», в 1934 г. читал доклад «Китайский язык как общий фактор филологической и лингвистической подготовки кадров». Эта работа продолжалась и далее, о чем свидетельствуют и рефераты¹⁰⁶.

Работа других сотрудников кабинета в области китайского языка ограничивалась созданием учебников для обучения китаеведов. В составлении их принимали участие Б. А. Васильев, Ю. К. Щуцкий, сотрудник Монгольского кабинета Б. И. Панкратов¹⁰⁷ и др. Сейчас эти пособия в значительной части устарели, но в свое время они сыграли большую роль.

Добавим, что параллельно с изучением китайского языка

¹⁰⁴ Н. Я. Марр неоднократно обращался в своих работах к китайскому языку: Н. Я. Марр, Яфетическая теория и семантика китайского языка, — сб. «По этапам развития яфетической теории», М., — Л., 1926, стр. 284—285; его же, Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи, — ДАН-В, 1927, № 4, стр. 82—84. и др. Подробнее об этом см.: Ю. В. Бунаков, Н. Я. Марр и китайский язык, — ЯМ, т. VIII, 1937, стр. 289—320.

¹⁰⁵ Ю. К. Щуцкий, Следы стадильности в китайской иероглифике, — ЯС, т. VII, Л., 1932, стр. 81—96.

¹⁰⁶ См., например, рефераты: В. М. Алексеев, Китайский тон и русская интонация, — «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г.», — ОЛЯ, М., — Л., 1947, стр. 36—37; его же, «О трудном китайском тексте», — там же, стр. 37; его же, «Китайский язык в систематическом описании и характеристике, ч. I, Устная речь», — там же, стр. 30, и др.

¹⁰⁷ Б. А. Васильев, Н. А. Петров и В. С. Пухов, Учебник китайского языка (для I курса), Л., 1934; Б. А. Васильев, Ю. К. Щуцкий, Учебник китайского языка. (Байгуа. Для II курса), Л., 1935; Б. А. Васильев, Ю. К. Щуцкий, Строй китайского языка, Л., 1936 (в серии «Строй языков», вып. 6); Б. И. Панкратов, Пособие для изучения китайского разговорного языка. Текст, Л., 1938.

некоторые сотрудники изучали языки, родственные китайскому или исторически с ним связанные. Ю. К. Щуцкий неоднократно обращался к аннамскому языку: «Яфетическое обследование аннамского языка» (1931), доклады «Об аннамском языке» и «Грамматика аннамского языка» (1932), им же была написана первая в СССР грамматика и учебник этого языка ¹⁰⁸.

Наконец, Л. Н. Рудов изучал мертвые языки и недешифрованные письменности киданей и чжурчжэней ¹⁰⁹.

Историю китайской письменности изучал Ю. В. Бунаков, оставивший как оригинальные работы по древнейшему периоду, так и библиографические работы по этой теме ¹¹⁰.

Исследования китайской письменности Алексеева носили опять-таки прикладной характер (исключая книгу «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация», о которой говорилось выше) — ученый интересовался в наибольшей степени вопросом о том, как организовать на иероглифической основе китайский словарь с наибольшим удобством для пользующегося ¹¹¹. Интерес Алексеева к вопросу о построении китайского иероглифического словаря не случаен. Делом своей жизни он считал составление Большого китайско-русского словаря, который заменил бы все предыдущие. Уже упоминалось, что в 1919 г. он предполагал составить вместе с О. О. Розенбергом китайско-японско-английско-русский словарь. Словарь этот не был составлен, но Алексеев долгое время подготавливал для него почву. Об этом свидетельствует ряд таких докладов, как, например, «Построение китайско-русского словаря» (1930), «Графическая система В. П. Васильева в двуязычном словаре китаиста», «О лекси-

¹⁰⁸ Ю. К. Щуцкий, *Строй аннамского языка*, Л., 1936 (в серии «Строй языков», вып. 5); его же, *Учебник аннамского языка* Л., 1934.

¹⁰⁹ Посмертно опубликованы две статьи: Л. Н. Рудов, *Кидани* (Очерк истории. Характеристика языка, письменности и литературы), — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 158—172; его же, *Проблемы киданьской письменности*, — СЭ, 1963, № 1, стр. 89—98. Другие, неопубликованные работы хранятся в АВ «Кидани», для 2 т. «Всемирной истории» (ф. 77, оп. 1, № 5); «Первый опыт изучения эпитафии Ляоского Даоцзуна и императрицы Сюань-и, написанных на киданском письме» (там же, № 6). Имеются также упоминания о его киданско-китайско-русском словаре, по-видимому утерянном (ЛЮ ААН, ф. 152, оп. 3, № 518). Изложение доклада Рудова «О киданьской письменности» см.: С. Ростовский, В Институте востоковедения Академии наук СССР.

¹¹⁰ См. прим. 54, а также: «Китайская письменность», — сб. «Китай», стр. 351—385; изложение его доклада «О китайской письменности как историческом явлении и историческом источнике» см.: С. Ростовский, В Институте востоковедения Академии наук СССР.

¹¹¹ В. М. Алексеев, *Системы китайской иероглифики*, — ВАН, 1934, № 2, стр. 15—20; *Современные системы современных китайских иероглифов*, — сб. «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 3—19.

кографе-теоретике Вань Го-дине и его словаре» (1931), «Роль презумпции в двуязычном словаре китаиста», «Словарь Палладия Кафарова как этап русской синологии»¹¹² (1931) и многие другие. В 1931 г. Алексеев задумал составление учебного словаря (издание его не состоялось), соавторами в котором должны были быть Б. А. Васильев, А. А. Драгунов, К. К. Флуг, Ю. К. Щуцкий.

Составление Большого китайского словаря было начато в 1938 г. большим коллективом в составе: В. М. Алексеев (редактор), Ю. В. Бунаков, А. А. Драгунов, Л. И. Думан, В. Н. Кривцов, Г. О. Монзелер, А. А. Петров, Л. Н. Рудов, Г. Ф. Смыкалов, К. К. Флуг, А. Г. Шпринцин, В. М. Штейн. Впоследствии к ним присоединились К. И. Разумовский, Н. И. Любин (с 1939 г.) и З. И. Горбачева (с 1941 г.). В составлении картотеки принимал участие также В. К. Юстов. Тексты для расписывания были распределены в соответствии с научными интересами участников. Так, Алексеев представил свою расписку произведений китайской классической поэзии и прозы, картотеку благожелательных и заклинательных формул на китайской народной картине, на почтовой бумаге и конверте, формул китайской эпиграфики, картотеку поэтологических и эстетологических формул и терминов; Драгунов — картотеку грамматических явлений китайского языка; Штейн — экономическую терминологию классического Китая; Разумовский — картотеку по истории китайского искусства; Флуг — по китайской книжной терминологии, библиографии и лексикографии; Рудов — по прессе и ряду специальных областей, например по банковскому делу; Петров — по философии и марксистской терминологии; Смыкалов — по официальному и деловому языку, корреспонденции и прессе; Бунаков — по китайской письменности и ее истории; Монзелер — по японизмам в китайском разговорном языке и прессе; Думан — по китайской истории и т. д. Состав авторов картотек позволил Алексееву с гордостью сказать: «Думаю, что вряд ли в Китае сейчас может образоваться коллектив, подобный нашему, для составления русско-китайского словаря»¹¹³. В 1941 г. картотека словаря вчерне была готова, однако война надолго отсрочила его окончательное завершение.

В области изучения китайской литературы работа Китайского кабинета проводилась в двух направлениях: переводы

¹¹² Опубликован посмертно в виде статьи: В. М. Алексеев, О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии, — КСИНА, XVIII, 1956, стр. 79—83.

¹¹³ В. М. Алексеев, Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому, — «Китайско-русский словарь под ред. акад. В. М. Алексеева. Пробный макет словаря», М.—Л., 1948, стр. 16.

лучших образцов и теоретическое осмысление истории литературы. Много внимания члены кабинета уделили переводам классической литературы. А. А. Штукин с 1935 г. работал над полным переводом древнейшего китайского поэтического памятника «Книги песен» («Ши цзин») — этот перевод, законченный в основном еще до войны, увидел свет только в 1957 г.¹¹⁴ «Книгой песен» занимался также Алексеев¹¹⁵. Китайская поэзия и ритмическая проза, более поздние, чем «Книга песен», появились в переводах Алексеева, Щуцкого, Васильева. В переводах и с истолкованиями Алексеева публиковались переводы из Ли Бо (701—762)¹¹⁶. Наиболее значительной поэтической книгой, изданной в это время, была «Антология китайской лирики», где переводы были выполнены Щуцким (соединившим в себе китаиста и поэта-переводчика), а вводящая статья и обобщающие заметки к тематическим группам стихотворений написал Алексеев¹¹⁷.

Кроме того, Щуцкий и Васильев опубликовали ряд поэтических переводов из произведений китайских поэтов периода Тан (618—907)¹¹⁸.

К переводам китайской поэзии примыкают переводы тех же лиц из мастеров классической ритмической прозы (гузнь) Тао Юань-мина, Оуян Сю и др.¹¹⁹. Всем этим переводам были предпосланы пояснительные вступления с изложением принципов перевода, часто различных у разных переводчиков. Особняком стоят исследования Алексеевым эстетических, фа-

¹¹⁴ Было два издания: избранные песни и полный перевод памятника. См.: «Ши цзин». Избранные песни, М., 1957; «Ши цзин» (издание подготовили А. А. Штукин и Н. Т. Федоренко), М., 1957.

¹¹⁵ См.: В. М. Алексеев, Классическая поэма древнего Китая, «Книжные новости», 1938, № 5, стр. 19, а также более поздний реферат: В. М. Алексеев, Предпосылки к русскому переводу китайской древней канонической книги «Ши-цзин» («Поэзия»), — ИАН СССР, ОЛЯ, 1948; вып. 3, стр. 271—272.

¹¹⁶ Эти публикации начались еще до революции статьей: В. М. Алексеев, Стихотворения в прозе поэта Ли Бо, воспевающие природу, — ЗВОРАО, т. XX, 1911, стр. 185—195. Продолжением этой работы стали публикации: В. М. Алексеев, «Древнее» (Из поэтической исповеди Ли Бо, — «Восток», 1923, кн. 2, стр. 35—40; В. М. Алексеев, Ли Бо. Из четверостиший, — там же, 1925, кн. 5, стр. 87—102.

¹¹⁷ Ю. К. Щуцкий, «Антология китайской лирики VII—IX вв. (по Р. Х.)». Перевод в стихах Ю. К. Щуцкого, редакция, вводящие обобщения и предисловие В. М. Алексеева, М.—Пг., 1923 («Всемирная литература»). См. также рецензии на эту книгу Н. К. Гудзия (НВ, кн. 4, 1923, стр. 470) и Н. И. Конрада («Восток», кн. 4, 1924, стр. 174—178).

¹¹⁸ Ю. К. Щуцкий, Из китайских лириков, — «Восток», кн. 1, 1922, стр. 39—44; Б. А. Васильев, Бо Цзюй-и, Оборванные строки. Лирические стихотворения, — там же, стр. 127—138; Б. А. Васильев, Бо Цзюй-и, Песнь о бесконечной тоске (Поэма), — там же, стр. 113—125.

¹¹⁹ Оуян Сю, Образцы прозы. Перевод В. М. Алексеева и Б. А. Васильева, — «Восток», кн. 3, 1923, стр. 38—49.

лософских и социальных воззрений китайских поэтов и прозаиков, где переводы включаются в текст исследования ¹²⁰.

Изучением и переводами китайской классической повествовательной прозы (кроме Алексеева) занимался также Б. А. Васильев. Ему принадлежат переводы из танской новеллы и из сборника «Удивительные истории нашего времени и древности» («Цзинь гу ци гуань», XVII в.) ¹²¹. Эти работы Б. А. Васильева были первыми среди исследований и переводов новеллы, последовавших позднее, после 1945 г. (О. Л. Фишман, И. Э. Циперович, В. А. Вельгус, А. Тишков и др.).

Изучение литературы Китая XX в. впервые началось в стенах ИВ. Естественно, что главной фигурой, привлечшей внимание советских ученых, стал Лу Синь. В переводе его произведений и изучении его творчества приняли участие Васильев, Штукин, Рудов, Шпринцин ¹²². О творчестве Мао Дуня впервые написал Б. А. Васильев; ему и Н. А. Петрову принадлежат обзорные статьи по современной китайской литературе ¹²³. Алексеев писал о новой китайской поэзии и о влиянии Октябрьской революции на литературу Китая ¹²⁴.

Деятельность литературоведов кабинета нашла отражение в сделанных ими докладах ¹²⁵.

¹²⁰ См.: В. М. Алексеев, К выставке китайских картин в Эрмитаже; О принципах ритмического перевода «Поэмы о художнике» («Хуа пинь»), — Доклады и сообщения, прочитанные на заседаниях кабинетов ИВ в 1940 г., — СВ, т. II, 1941, стр. 319—322; его же, «Китайский поэт о китайской музыке», — «Сб. статей к 40-летию учен. деят. акад. А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 541—545. См. также публикации конца 40-х—50-х годов, подготовленные до войны: В. М. Алексеев, Китайский поэт-пейзажист о своем вдохновении и своем пейзаже; его же, Артист-каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма; его же, Утопический монизм и «китайские церемонии» в трактатах Су Сюня.

¹²¹ Б. А. Васильев, Повесть о прекрасной Ли. Китайская новелла IX века, перевод, вступ. статья и прим. Б. А. Васильева, — сб. «Восток», 1935, М.—Л., стр. 139—162; «О том, как Юй Бо-я, лютию разбив, простился с „появившим звук“». Перевод, предисл. и прим. Б. А. Васильева, — «Восток», кн. 4, 1924, стр. 28—45.

¹²² Лу Синь, Правдивая история А-Кея. Переводы под ред. Б. А. Васильева, Л., 1929; «Лу Синь. 1881—1936. Сборник статей и переводов, посвященных памяти великого писателя современного Китая», М.—Л., 1938.

¹²³ Б. А. Васильев, Мао Дунь. Трилогия, — БВ, вып. 2—4, 1933, стр. 151—157; его же, Китайская литература. Театр современного Китая, — ВИЛ, 1930, № 1, стр. 149—164; его же, Иностранное влияние в китайской литературе эпохи империализма, — ТИВАН, т. I, 1932, стр. 85—110; его же, Левый фронт в китайской литературе, — ЗИВАН, т. II, вып. 4, 1934, стр. 203—228; Н. А. Петров, Новая и новейшая литература Китая, — сб. «Китай», стр. 300—309.

¹²⁴ В. М. Алексеев, Изучаете ли Вы новую поэзию?, — «Восток», 1925, кн. 5, стр. 235—236; его же, Эволюция и революция китайского языка и китайской литературы, отраженные в литературе Октября, — «Труды ноябрьской юбилейной сессии Академии наук СССР», Л., 1933, стр. 542—550.

¹²⁵ Из их числа мы упомянем лишь те, которые не нашли отражения

Наиболее значительным результатом деятельности кабинета до 1941 г. следует считать заверченный в 1939 г. сборник «Китай». Этот сборник был справочником общего типа по самым разным областям знаний о Китае — от географии и истории до здравоохранения и просвещения. Большинство авторов статей были членами Китайского кабинета, лишь по некоторым проблемам современности были привлечены сотрудники других учреждений. Сборник состоял из серии очерков, написанных специалистами¹²⁶.

Он был сдан уже в печать, но тираж его погиб во время немецкой оккупации Таллина, сохранились лишь 200 сигнальных экземпляров.

Исследования ученых АМ — ИВ послужили основой для популяризации научных знаний, выражавшейся в организации выставок, лекций, в педагогической деятельности. Так, в

в печати. Например, Алексеев читал доклады: «История текста и изданий Ляо Чжаевых новелл», «Поэзия китайского ученого в тематически-антологическом отборе», «О переводе на разговорный язык Ляо Чжаевых новелл» (1928), «Ритмические переводы китайских ритмических композиций», «О методах преподавания китайских антологий» (1931), «Лунная поэма Се Чжуаня», «Принципы художественного перевода с китайского, демонстрированные на переводах китайской ритмической прозы», «Горький и китайская литература» (1939); Васильев выступал с докладами и сообщениями: «О китайском романе» (1927), «Пословицы и поговорки в одном китайском романе» (1928); «Новеллы Бо Син-цзяня», «Выявление основных течений в современной литературе стран Востока», «Литература протеста начала XX в. в Китае» и с рядом других, например доклады о дунганском эпосе (1930) и «Октябрь и дунганская литература» (1932), а также выдвинул совместно с Н. И. Конрадом тему «Проблема единства феодальной литературы Китая и Японии» (1933).

В 1935 г. Васильев начал изучение романа «Речные заводы», а Щуцкий — романа «Цзинь, Пин, Мэй», у Васильева тема была близка к завершению в 1937 г., но и ту и другую работу прервала трагическая гибель обоих ученых.

¹²⁶ Статью «Борьба китайского народа за национальную независимость» написал Г. Н. Войтинский, «Географический очерк Китая» — Г. Ф. Смыкалов, «Экономический очерк Китая» — В. М. Штейн, «Очерк истории Китая» (до эпохи империализма) и хронологические таблицы по истории Китая — Л. И. Думан, продолжение до конца 40-х годов XX в. — Г. В. Ефимов, ему же принадлежал словарь современных политических и общественных деятелей Китая; очерки «Борьба с оккупантами в Маньчжурии» — А. Г. Зюзин, «Аграрный вопрос в Китае» — А. Н. Островский, «Рабочий класс Китая в борьбе за национальную независимость» — М. К. Пашкова, «Государственное устройство Китая» — П. Е. Муравьев, «Очерк философии Китая» — А. А. Петров, «Религия в Китае» — Г. О. Монзельер, историко-библиографический очерк «Китайская литература» — В. М. Алексеев, очерки «Новая и новейшая литература» — Н. А. Петров, «Литература и искусство Китая в борьбе за национальную независимость» — Эми Сю (Сяо Сань), «Китайское искусство» — К. И. Разумовский, «Китайский язык» — А. А. Драгунов, «Китайская письменность», «Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае», «Периодическая печать в Китае» и библиографию основных работ по Китаю на европейских языках — Ю. В. Бунаков, «Народное образование в Китае» — В. Н. Кривцов, «Здравоохранение в Китае» — Л. Н. Рудов.

1925 г. В. М. Алексеев организовал выставку материалов своих коллекций и научно-показательный музей при Китайском кабинете ЛИЖВЯ. В 1928 г. в АМ открылась постоянная выставка по истории китайского книгопечатания, объяснения на которой давал Ю. К. Щуцкий, в 1930 г. — выездные выставки по истории письменности при Коммунистической академии и на книжном базаре с участием К. К. Флуга и Ю. К. Щуцкого. В 1934 г. известный китайский художник Сюй Бэй-хун привез образцы новой китайской живописи. Картины были показаны в Эрмитаже при содействии и участии В. М. Алексеева.

Лекции о Китае читали все сотрудники Китайского кабинета. Наибольшее количество их прочел В. М. Алексеев. В последующие годы выступления его и других китаистов перед неспециализированной аудиторией не прерывались. В 1927 г., например, Алексеев прочел цикл лекций о новом Китае в историко-этнографической характеристике в Географическом обществе и в Союзе преподавателей географии; Щуцкий выступил с лекциями о диалектике истории в китайской философии в Ташкентском университете. В 1935—1936 гг. в Ленинградском лектории был организован цикл лекций по Китаю и Японии, в котором участвовали П. И. Осипов (древнейшая история Китая), З. И. Горбачева (империалистические захваты в Китае), В. М. Штейн (экономика современного Китая), А. А. Петров (китайская философия), Б. А. Васильев (современная китайская литература), Л. И. Думан (история китайской революции и советские районы Китая)¹²⁷.

Таков был послереволюционный период развития китаеведения в АМ — ИВ. Он прервался в начале Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Многие китаеведы были оторваны от научной работы. На фронте погибли К. И. Разумовский и Н. И. Любин (1942), не выдержали тяжести блокады Ленинграда Л. Н. Рудов (1941), К. К. Флуг, Ю. В. Бунаков, Е. Н. Медовая (1942), ушли в армию или перешли на дипломатическую работу А. А. Петров, Л. И. Думан, Г. О. Монзлер, В. Н. Кривцов, В. К. Юстов, Н. А. Петров. Из них к научной деятельности после войны вернулись только Л. И. Думан, но уже не в Ленинграде, а в Московском отделении ИВ и Н. А. Петров — в Секторе восточных рукописей в Ленинграде. Другие сотрудники были эвакуированы из Ленинграда: В. М. Алексеев оказался в Боровом; В. М. Штейн, исполнявший некоторое время обязанности заместителя директора и ученого секретаря института, в феврале 1942 г. выбыл с Ленинградским университетом в Саратов, передав дела Н. В. Пигулевской; А. А. Драгунов и

¹²⁷ «Япония — Китай», Л., 1935.

Г. Ф. Смыкалов — в Ташкент, З. И. Горбачева — в Тетюши, куда она выехала с эвакуированными детьми сотрудников АН.

В августе 1942 г. в Ташкенте, куда был эвакуирован ИВ, был образован Дальневосточный кабинет, объединивший эвакуированных сотрудников Монгольского, Китайского и Японского кабинетов. Обязанности заведующего кабинетом временно исполнял А. А. Драгунов. В декабре того же года кабинет разделился на два: Китайско-монгольский и Корейско-японский. Заведующим первого был назначен В. М. Алексеев, замещал заведующего ученый секретарь А. А. Драгунов, позднее ученым секретарем стал Л. С. Пучковский. В состав кабинета кроме названных ученых входили также В. М. Штейн и С. А. Козин (оба были в Саратове и в работе кабинета фактически не участвовали), Т. А. Бурдукова (проживавшая в Алма-Ате) и аспиранты — китаевед Л. Д. Позднеева (жившая в Москве), маньчжурист М. К. Максимов. В работе кабинета принимали участие сотрудники других кабинетов и учреждений: тюрколог Д. И. Тихонов, научный сотрудник Центрального архива Гербер, аспирант Института этнографии Г. Г. Стратанович.

Во время пребывания в эвакуации члены Китайского кабинета продолжали научную работу и выполняли срочные поручения, связанные с условиями военного времени. Весьма интенсивно работал в Боровом акад. Алексеев. Оторванный от института и библиотеки, с трудом доставая бумагу (на картотеку, например, ему приходилось обрезать поля у роскошных иллюстрированных изданий), он не прекращал своих исследований. Ни в один период своей жизни он не создал такого количества переводов, статей, докладов, рефератов, как здесь. Имея под рукой лишь некоторые антологии китайской поэзии и прозы, он переводит эти антологии на русский язык, чтобы создать основу для написания впоследствии истории китайской классической литературы. Результатом этого труда явились «Антология китайской классической прозы II—XX вв.» и «Антология китайской классической поэзии II—X вв.». Обе книги мыслились как приложение к будущим томам истории китайской литературы и были в основном готовы к концу 1942 г.¹²⁸ В. М. Алексеев выработал новые принципы научно-художественного перевода — сочетание научной точности с ритмизацией, имитирующей ритм китайского подлинника. Принципы эти, а также некоторые результаты исследований литературы Китая были изложены в докладах, которые Алексеев читал на заседаниях для сотруд-

¹²⁸ Часть антологии прозы издана в кн. «Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева». Антология стихов и остальная часть прозы еще не опубликованы.

ников ИВ, проживавших в Боровом. Лишь некоторые из этих докладов оформились потом в статьи и были опубликованы¹²⁹, часть увидела свет только в виде рефератов¹³⁰, но целиком они остались ненапечатанными.

Вторая серия работ Алексеева, выполненных в эвакуации, была посвящена китайскому языку, часто в научно-педагогическом аспекте. Эти исследования были оформлены в виде докладов, а потом статей и книг, но опубликованы были только рефераты о них. В Боровом Алексеев прочел доклады: «Синтаксис простого китайского предложения по данным палиндрома», «Китайский тон и русская интонация» (1942), серию лекций о роли в синологии русского, английского, немецкого, французского и японского языков, «Проект новой русской фонетической адаптации китайского языка», «Тезисы новой грамматики китайского языка» (1943).

Третья серия работ была посвящена проблемам китайской истории и философии (в том числе философии истории), а также истории русского китаеведения: доклады о погибших китаеведах (Л. Н. Рудове, К. К. Флуге, В. Н. Казине, Ю. В. Бунакове, К. И. Разумовском), «Советская синология за XXV лет», «Проблема заимствования в китайской культуре», «Концепция Дао (опыт синтетической конструкции)», «Концепция идеального центра (Чжун юн) в китайской литературе и философии» (1942), «Вопросы китайской хронологии», «География и китаистика», «Китаист-историк в идеале и действительности» (1943).

Другие китаеведы, эвакуированные в Ташкент, также вели большую научную работу. А. А. Драгунов завершил там книгу «Грамматическая система современного китайского языка» (опубликованную в 1962 г.), которую предполагал сделать своей докторской диссертацией; начал исследование

¹²⁹ В. М. Алексеев, Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. 3, вып. 4, 1944, стр. 143—164; его же, «Песнь моему прямому духу» китайского патриота XII в. Вэнь Тянь-сяна, — ТВИИЯ, т. 2, 1946, стр. 47—54; его же, Отражение борьбы за завоевателями в истории и литературе Китая, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. IV, 1945, стр. 187—199.

¹³⁰ См. рефераты: «Советский опыт решения задачи перевода китайских художественных литературных произведений с приложением образцов», «Китайская литературная глоссолалия и новые опыты русского перевода ее представителей среди шедевров китайской художественной прозы», «Француз Буало и его китайские современники о поэтическом мастерстве», «Мои работы в эвакуации над материалами по истории китайской литературы», «Роль антологий и монографии в составлении истории китайской литературы», «Китайский стих и его очарование в свидетельстве поэтов Китая», «О трудном китайском тексте» — в ст. «Работы академика Алексеева» (за 1945 г.); «Китайский палиндром в его научно-педагогическом использовании», «Новый метод и стиль переводов на европейские языки древних классиков», «Поэзия вина в Китае», — в ст. «Работы академика В. М. Алексеева» (за 1946 г.).

грамматики древнекитайского языка (по плану 1943 г.). Он выступил одним из организаторов, а потом был секретарем Ташкентского лингвистического объединения. Неоднократно отвлекался от научной работы для выполнения заданий оборонного значения. В ташкентский период прочитал несколько докладов, связанных с началом работы над большой грамматикой китайского языка и продолжением трудов по дунганской грамматике: «О некоторых особенностях местоимений в архаичном китайском языке» (1942), «О некоторых спорных вопросах структуры китайского слова», «Трансформация категории нарратива в современном китайском языке», «Числительное два в современном китайском языке» (1943), «Об одной грамматико-стилистической особенности романа Лю Сяо „Путешествие Лао Цзянь“», «Иноязычные влияния в дунганском языке», «Китайские элементы в уйгурском языке» (1944)¹³¹. Многие из того, о чем докладывал Драгунов, вошло позднее в главный его труд — «Исследования по грамматике современного китайского языка»¹³².

Интересы Г. Ф. Смыкалова были сосредоточены на истории Китая и отчасти на истории китайской литературы. Им были сделаны следующие сообщения и доклады: «Официальная сторона сунской династии» (1943), «Географо-экономический обзор Восточного Туркестана», «Этапы развития новой китайской литературы», «Китайский ученый о периодизации истории своей страны», «Внутренняя структура исторических записок Сыма Цяня» (1944). Выступал Г. Ф. Смыкалов также в качестве консультанта и составителя китайско-русского и русско-китайского словарей.

Работы Д. И. Тихонова, хотя и не основывались на китайских материалах, касались в основном проблем Синьцзяна и вплотную примыкали к исследованиям китаеведов. Это были доклады: «Ленин и Восток», «Древний Хотан (древние города Восточного Туркестана)» (1943), «Национально-освободительное движение уйгуров в XIX в.» (1944).

В 1943 г. доклад «Подрывная работа германского империализма в Западном Китае против России и Англии в 1914—1918 гг.» сделал Гербер и доклад «Китайская монета, найденная при археологических раскопках на Фархад-строе» — Г. Г. Стратанович. Другие китаисты в работах кабинета практически не участвовали. 7 мая 1943 г. на Ученом совете ИВ Н. Т. Федоренко защитил докторскую диссертацию

¹³¹ См.: А. А. Драгунов, Некоторые проблемы китайской грамматики, — «Рабочая хроника ИВ», II, стр. 23—24.

¹³² А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I. Части речи, М.—Л., 1952.

на тему «Историческая достоверность Цюй Юаня и его творчества», подготовленную им во время пребывания на дипломатическом посту в Китае.

В 1943 г. Алексеев и Драгунов составили программу, определявшую очередные задачи китаеведения, где намечались следующие работы: возобновление составления Большого китайско-русского словаря; составление словаря китайской скорописи; создание труда по истории китайской литературы, основанного на серии переводов и частных монографических исследованиях; написание капитального труда по истории Китая, которому должны предшествовать переводы китайских исторических трудов, одних полностью, других в выдержках; подготовка к изданию труда Н. Я. Бичурина «Зерцало всеобщее, правительству помогающее»; продолжение и завершение перевода Сыма Цяня; всесторонняя разработка грамматического строя китайского языка с усиленным изучением архаичного периода; продолжение изучения языка, истории, фольклора, быта дунган СССР; научное описание рукописей, ксилографов, архивных фондов; развитие тибетологии и тангутоведения; подготовка кадров¹³³.

Нужно добавить, что популяризация знаний о Китае не прекращалась и в этот трудный период. Так, Алексеев и другие члены кабинета не раз читали лекции в дислоцированных в Средней Азии воинских подразделениях, Штейн за 1942—1943 гг. прочел более ста лекций в лекториях, госпиталях, воинских частях Саратова.

Во время эвакуации ИВ в 1943 г. в Москве образовалась Московская группа института, куда вошли китаеведы Л. З. Эйшлин (с начала 1944 г.), И. М. Ошанин (с мая 1945 г.), а с августа того же года С. Л. Тихвинский — все трое проходили в группе курс докторантуры — и Л. Д. Позднеева.

Начиная с лета 1944 г. китаеведы ИВ один за другим возвращались в Ленинград. В 1944 г. вернулись Алексеев и Штейн. В октябре возобновляются регулярные заседания, на которых В. М. Алексеев читал свой доклад «Китайская поэма „Море“» и слушались авторефераты докладов сотрудников МГ ИВ. В 1945 г. в Ленинград вернулись А. А. Драгунов, Г. Ф. Смыкалов, З. И. Горбачева.

В 1945 г. в связи с 220-летием АН СССР Алексеев был награжден орденом Ленина, а В. М. Штейн — орденом «Знак Почета».

После возвращения китаеведов в Ленинград немедленно возобновилась работа над Большим китайско-русским словарем, которую все китаеведы считали основной. Оказалось, что словарь значительно отстал от новейшей китайской

¹³³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1943), № 23, лл. 1—2.

лексики: с 1937 г. поступление изданий из Китая прекратилось.

Работа с газетами, журналами, книгами, начавшими вновь поступать из Китая после войны, показала, что в китайском языке появился большой лексический слой, родившийся во время второй мировой войны. Было решено приступить к расписыванию всех новых материалов. Вновь создается коллектив составителей. Кроме его старых членов — редактора словаря В. М. Алексеева, секретаря З. И. Горбачевой, В. М. Штэйна, А. А. Драгунова и Г. Ф. Смыкалова — в него входят три московских китаеведа в качестве помощников редактора: И. М. Ошанин, Л. З. Эйтли и Чжоу Сун-юань. Ошанин готовил материал по официальному языку и переписке, грамматическим вопросам и разговорному языку; Л. З. Эйтли — картотеку по китайским поэтическим текстам; Чжоу Сун-юань выступал в качестве коррективщика всей китайской части словарных статей. Пополнение картотек велось также китаистами, не входившими в кабинет, в том числе и теми, кто находился в Китае: Н. Т. Федоренко присылал материалы для картотеки современной китайской филологии; С. Л. Тихвинский расписывал военную терминологию и персоналии на китайских деятелей XX в. в сфере политики и культуры; Л. Д. Позднеева (Москва) — терминологию и лексику классического китайского романа и драмы; Б. И. Панкратов (всю войну и три года после нее работавший в Китае) предоставил свои материалы по разговорному языку, пословицам, фольклору, пекинскому быту и другим, часто неожиданным сторонам китайской культуры; В. В. Вишнякова (Москва) дополняла картотеки военной терминологии; И. Э. Циперович (Вост. фак-т ЛГУ) давала материалы по китайской библиографической науке.

В 1946 г. кабинет пополнился новыми членами: О. Л. Фишман, С. М. Кочетова, Т. А. Ваганова и С. В. Солтанов. Все они также приняли участие в составлении словаря. Т. А. Ваганова расписывала работы современных политических деятелей, О. Л. Фишман — поэтические тексты, прежде всего стихи Ли Бо, С. М. Кочетова — тексты по китайскому искусству и рассказы Пу Сун-лина, а С. В. Солтанов занимался вычиткой после машинки рукописей и оформлением дополнений к слогам Б-Бяо.

В 1947 г. Т. А. Ваганова и О. Л. Фишман ушли из ИВ в ЛГУ. В 1950 г. был отчислен С. В. Солтанов. Фишман и далее продолжала делать работу для словаря.

К 1948 г. основная работа по пополнению словаря была закончена, готовился к изданию макет слога Гу, однако отпечатанный макет¹³⁴ распространен не был, а в 1949 г.

¹³⁴ См. прим. 113.

работа над Большим словарем была фактически прекращена.

В 1948 г. было начато составление однотомного («средне-го») китайско-русского словаря, порученного А. А. Драгунову (редактор), З. И. Горбачевой и Б. И. Панкратову, вернувшимся из Китая.

В следующем, 1949 г. руководство составлением словаря перешло к И. М. Ошанину, картотека Большого словаря была перевезена в Москву и в дальнейшем как над выпуском однотомного словаря, так и над Большим словарем работали новый коллектив, ленинградские же китаеведы (З. И. Горбачева, С. М. Кочетова) принимали в этом лишь некоторое участие¹³⁵.

Ученая деятельность двух членов кабинета — В. М. Алексеева и А. А. Драгунова — в этот период не ограничивается работой в словаре. Алексеев много сил отдает литературоведческим и лингвистическим исследованиям, а также написанию истории китаеведения в СССР. В области изучения китайской литературы он продолжает ту серию исследований, которые были им начаты частично до 1941 г., частично в эвакуации, а также выступает с докладами и готовит в печать ряд исследований: «Горький в Китае», «Песнь моему прямому духу» китайского патриота XIII в. Вэнь Тянь-сяна, «Рабочая библиография китаиста», «Китайский поэт-пейзажист о своем вдохновении и своем пейзаже», «Утопический монизм и „китайские церемонии“ в трактатах Су Сюня», «Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая», «Артист, каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма», «Советский опыт решения задачи перевода китайских художественных литературных произведений», «Француз Буало и его китайские современники», «Культура Китая», «О трудном китайском тексте», «Китайский палиндром в его научно-педагогическом использовании» и др. Напечатаны были, однако, лишь несколько статей и рецензий¹³⁶, остальные остались в рукописи либо в корректурах или же изданы только в виде рефератов.

Значительную часть своего времени В. М. Алексеев уделил истории советской синологии. И ранее он регулярно обращался к истории китаеведения, периодически подводя

¹³⁵ «Средний» словарь вскоре был издан (китайско-русский словарь под ред. проф. И. М. Ошанина, изд. I, М., 1952; изд. II, М., 1955; изд. III, М., 1959). Над «большим» словарем в настоящее время работает коллектив под руководством И. М. Ошанина в Москве, о нем см.: Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина (макер), М., 1960. В обоих словарях широко используются картотеки, составленные под руководством В. М. Алексеева.

¹³⁶ В. М. Алексеев, Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи; его же, Отражение борьбы с завоевателями; его же, Китайский поэт-пейзажист; его же, Утопический монизм; его же, Песнь моему прямому духу; его же, Артист-каллиграф и поэт.

итоги деятельности советских синологов. Но основным его трудом в этой области стала подготовленная им в 1947 г. большая книга «Советская синология за 30 лет», оставшаяся в корректуре.

Труды В. М. Алексеева поставили его во главе советского Китаеведения, получили широкое признание за рубежом. Он был избран членом ряда иностранных научных обществ: Пекинской (Бэйпинской) библиотеки (1926), Американской Академии политических и социальных наук (1931), Американского общества ориенталистов (1937) и Нью-Йоркского географического общества (1946).

Исследования А. А. Драгунова явились развитием и углублением тех идей, которые впервые были высказаны им и Е. Н. Драгуновой еще до Отечественной войны, прежде всего важнейшей идеи о различии систем частей речи в разных языках; для китайского, например, Драгунов уславливал иную систему частей речи, чем для индоевропейских. Продолжал он исследование и ряда конкретных грамматических явлений, в том числе фонетики¹³⁷. Наиболее полное выражение взгляды Драгунова нашли в подготовленной в послевоенные годы книге, которая подводила итоги его многолетним изысканиям в области китайского языка и стала этапным произведением, в известном смысле предопределившим все дальнейшие изыскания в области грамматики современного китайского языка¹³⁸. В 1950 г. Драгунов переехал в Москву и продолжал там исследования вплоть до своей смерти в 1955 г.

Из работ других членов кабинета отметим важные исследования В. М. Штейна в области древнекитайской экономической мысли. В 1946 г. он завершил работу над книгой «Гуань-цзы» (начало изысканий в этой области относится к довоенному периоду), а в 1947 г. приступил к истории китайско-индийских отношений¹³⁹. Г. Ф. Смыкалов разрабатывал

¹³⁷ См.: А. А. Драгунов, О зависимых членах предложения в современном китайском языке, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. 5, вып. 6, 1946, стр. 484—489; его же, Категории зависимой и независимой предметности в современном китайском языке (суффиксы -(э)р и -цзы), — СВ, (сб.), т. VI, 1949, стр. 102—119; А. А. Драгунов и Е. Н. Драгунова, Структура слога в китайском национальном языке, — СВ, 1955, № 1, стр. 57—74.

¹³⁸ А. А. Драгунов, Исследования по грамматике. См. также рецензию М. К. Румянцеву (СВ, 1955, № 4, стр. 159—166).

¹³⁹ В. М. Штейн, Древнекитайская и древнеиндийская экономическая мысль, — «Тезисы докладов по секции востоковедения научной сессии Ленинградского гос. университета», Л., 1945, стр. 4—8; его же, Уровень экономического развития Китая в период династии Хань, — там же, 1946, стр. 10—14; его же, К истории дипломатии в древнем Китае и древней Индии, — ВЛУ, вып. 6, 1947, стр. 95—115. См. также краткое изложение его доклада 1948 г. «Место Гуань-цзы в истории китайской экономической мысли», — ВДИ, 1948, № 2, стр. 169.

тему «Параллельная композиция в китайском языке», которую, однако, так и не окончил. Б. И. Панкратов, занимая должность ученого секретаря РО ИВ, работал над «Секретной историей монголов» («Юань чао би ши»), руководил также работой реставрационной мастерской и фотолаборатории. З. И. Горбачева изучала восстание Фань Чуна (работа эта не была напечатана, хотя и числилась в 1946 г. завершенной).

В мае 1950 г. кабинет провел сессию, посвященную памяти акад. В. П. Васильева, в которой приняли участие В. М. Алексеев (доклад «В. П. Васильев как синолог»), Н. В. Кюнер («В. П. Васильев как историк»), Г. Ф. Смыкалов («В. П. Васильев как географ»), Л. З. Эйтли («В. П. Васильев как историк китайской литературы»), С. М. Кочетова («В. П. Васильев как историк религий Востока»), З. И. Горбачева (доклад «Неопубликованные труды академика В. П. Васильева»).

Часть этих докладов была потом использована для сводной статьи о нем¹⁴⁰. В том же, 1950 г. Л. З. Эйтли сделал сообщение о своих исследованиях китайской литературы 40-х годов («Тема труда в современной художественной литературе Китая»).

В 1951 г. возобновилась работа над неопубликованным наследием Н. Я. Бичурина. Г. Ф. Смыкалов (вернувшийся в ИВ), Б. И. Панкратов, З. И. Горбачева начали готовить к изданию его перевод китайской истории «Тун цзянь ган му»; в 1953 г. была закончена подготовка четырех томов, однако труд Н. Я. Бичурина из печати не вышел. С 1952 г. в этой работе принимал участие Д. И. Тихонов. Он же работал над историей Синьцзяна XIX — начала XX в. по уйгурским источникам.

В лексикографических работах в 1951 г. принимал также участие В. П. Илюшечкин (составление Малого китайско-русского словаря).

Начиная с 1950 г., когда ИВ был переведен в Москву, число китаистов в Секторе восточных рукописей сильно уменьшилось: остались лишь З. И. Горбачева, Б. И. Панкратов и Г. Ф. Смыкалов, снова уволившийся в 1952 г. по состоянию здоровья. Научная продукция этого времени невелика. Плановые темы в 1952—1955 гг. ограничиваются в основном подготовкой к изданию труда Н. Я. Бичурина (З. И. Горбачева и Б. И. Панкратов), работой Панкратова над комментариями к истории Рашид ад-дина в тех частях, которые по тематике и материалам смыкаются с китайскими

¹⁴⁰ З. И. Горбачева, Н. А. Петров, Г. Ф. Смыкалов, Б. И. Панкратов, Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900), — ОИРВ. 2, стр. 232—340.

источниками ¹⁴¹. Он же принимал участие в авторской работе по составлению однотомника «История МНР».

С 1953 г. состав Сектора восточных рукописей начинает расширяться за счет молодых китаеведов. В 1953 г. был принят в аспирантуру Л. Н. Меньшиков (окончил аспирантуру и зачислен в сектор в конце 1955 г.). В 1954 г. для изучения истории Киргизии по китайским источникам был принят А. А. Кондратьев, в том же году на временной работе в библиотеке была И. Т. Зограф (Бабиева), поступившая затем в аспирантуру. В 1955 г. вернулся из армии и вновь стал сотрудником ИВ Н. А. Петров; возвратился В. М. Штейн. В число сотрудников вошел С. А. Школяр, работавший сначала в библиотеке, а потом специализировавшийся по истории военного дела в Китае; на временную работу был принят Л. И. Чугуевский, обрабатывавший китайские ксилографы, архивные материалы и японскую часть библиотеки. В аспирантуру по истории тангутского государства поступил Е. И. Кычанов.

Таков был состав китаистов к 1956 г., когда Сектор восточных рукописей был преобразован в ЛО ИВ. Естественно, что при увеличении числа сотрудников несколько оживляются и китаеведческие исследования. И. Т. Зограф, С. А. Школяр ведут учет и каталогизацию поступающей китаеведческой литературы, З. И. Горбачева и Н. А. Петров начинают составление описания китайских ксилографов. Эта работа продолжалась до 1961 г., однако завершена не была, опубликованы были только несколько статей обзорного характера ¹⁴². Работу В. М. Алексеева по описанию эстампажей в 1953 г. продолжал Е. И. Лубо-Лесниченко, завершивший составление картотеки фонда, доведя ее до 880 карточек. Б. И. Панк-

¹⁴¹ См.: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, книга вторая, перев. с перс. О. И. Смирновой, прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенова, М.—Л., 1952; то же, т. II, перев. с перс. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960.

¹⁴² З. И. Горбачева, Китайские ксилографы и старопечатные книги собрания ИВАН СССР. (Общий обзор).—УЗИВАН, т. 16, 1958, стр. 309—351; ее же, Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов ЛО ИВ АН СССР,—«Страны и народы Востока», вып. 1, М., 1959, стр. 286—294; З. И. Горбачева и Н. А. Петров, Письменные памятники китайской культуры (из коллекции Института востоковедения).—ВАН, 1959, № 9, стр. 90—92; З. И. Горбачева, Китайские медицинские труды в коллекции ЛО ИНА АН СССР,—«Страны и народы Востока», вып. 2, М., 1961, стр. 243—250; Н. А. Петров, Некоторые издания китайского фольклора XIX в. в коллекции ксилографов Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР,—«Страны и народы Востока», вып. 2, М., 1961, стр. 267—269. Некоторые сведения см. также: Д. И. Тихонов, Рукописные фонды Института востоковедения Академии наук СССР,—ВИ, 1957, № 7, стр. 144—151. Незавершенный вариант описания ксилографов см.: АВ, Р. I, оп. 1, № 245.

ратов занимался изучением «Секретной истории монголов». А. А. Кондратьев продолжал работать над историей Киргизии. Им был опубликован ряд материалов о киргизах, вошедших в различные сборники¹⁴³. Л. Н. Меньшиков работал над диссертационной темой, посвященной реформе китайской классической драмы¹⁴⁴. В области литературоведения работал также Н. А. Петров, специализировавшийся на творчестве китайского поэта и реформатора конца XIX в. Хуан Цзунь-сяня. Начинал он также работу над теорией китайского стихосложения. В связи с творчеством Хуан Цзунь-сяня была затронута литературная деятельность другого выдающегося реформатора того же времени — Лян Ци-чао¹⁴⁵. И. Т. Зограф начал исследования исторической грамматики (среднекитайский язык), позднее ставшие ее кандидатской диссертацией¹⁴⁶.

После образования ЛО ИВ организуется Дальневосточный кабинет во главе с В. М. Штейном. В кабинет вошли З. И. Горбачева, А. А. Кондратьев, Л. Н. Меньшиков, Б. И. Панкратов, Н. А. Петров, Д. И. Тихонов, С. А. Школяр и аспирантка И. Т. Зограф. Начиная с 1956 г. состав кабинета регулярно пополнялся новыми сотрудниками; в течение десяти лет были приняты: В. С. Спирин (1956), Б. Б. Вахтин, И. С. Гуревич, проф. В. С. Колоколов, Л. И. Чугуевский

¹⁴³ А. А. Кондратьев, Исторические сведения о киргизах в китайских источниках, — МПВНКВ, I, Ташкент, 1958, стр. 934—939. В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев, Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов, — СВ, 1958, № 4, стр. 125—136; А. А. Кондратьев и В. А. Ромодин, «История Киргизии», т. I, изд. 2, Фрунзе, 1963, стр. 273—281. См. также выступление на сессии по этногенезу киргизов 9—14 ноября 1956 г. в г. Фрунзе (Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III, Фрунзе, 1959, стр. 138—141).

¹⁴⁴ Л. Н. Меньшиков, Современная реформа китайской классической драмы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1955; его же, Реформа китайской классической драмы, — М., 1959; его же, Реформа классического театра и драмы, — «Вопросы культурной революции в КНР», М., 1960, стр. 230—250.

¹⁴⁵ См.: Н. А. Петров, Хуан Цзунь-сянь — китайский поэт-патриот конца XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1955; его же, Жанр *цзы* и его народный характер, — ПВ, 1959, № 5, стр. 129—135; его же, Патриотическая драматургия Лян Ци-чао, — «Китай, Япония», М., 1961, стр. 145—151.

¹⁴⁶ И. Т. Зограф, Конечные модальные частицы в памятнике «Цзинь бэнь тунсу сяошо», — ВФИСЗВ, М., 1961, стр. 5—18; его же, Сравнение языка памятника XII—XIII вв. «Популярные рассказы, изданные в столице» («Цзинь бэнь тунсу сяошо») с языком произведений художественной прозы XIV—XVIII вв., — «Дальний Восток», М., 1961, стр. 36—57; его же, Грамматические особенности китайского языка XII—XIV вв. (по памятнику «Цзинь бэнь тунсу сяошо»). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1962; его же, Очерк грамматики среднекитайского языка (По памятнику «Цзинь бэнь тунсу сяошо»), М., 1962.

(1957), Ю. Л. Кроль, Б. Л. Смирнов, М. И. Воробьева-Десятовская, С. Д. Данилова, А. П. Терентьев-Катанский, О. Л. Фишман (1958), Е. А. Виноградов, К. Б. Кепинг, Л. К. Павловская (1959), П. Е. Скачков (1960), Л. Г. Казакова, А. А. Торопов, Э. С. Стулова (1961), М. И. Ульман (1964). Расширялась подготовка кадров через аспирантуру. За 1956—1957 гг. аспирантуру прошли: Е. И. Кычанов (по тангутоведению), И. Т. Зограф, А. С. Мартынов, И. С. Гуревич, Л. Г. Рогова, Г. П. Максимова и заочные аспиранты Н. М. Кулакова и М. П. Чигринский¹⁴⁷. Некоторые сотрудники позже перешли в другие учреждения. Кроме того, в составе других кабинетов работают историк Китая К. В. Васильев (с 1960 г.) и М. В. Воробьев (с 1965 г.) — последний по истории чжурчженей на китайских материалах.

В 1962 г. на посту заведующего кабинетом В. М. Штейна сменил Б. Б. Вахтин, под руководством которого кабинет работал до 1966 г., до раздела на Китайский кабинет во главе с О. Л. Фишман, Японский кабинет, Корейскую группу и Группу по описанию и публикации рукописей и ксилографов дальневосточных фондов (рук. Л. Н. Меньшиков). В 1964 г. кабинет лишился двух своих ведущих сотрудников — П. Е. Скачкова и В. М. Штейна.

В китаеведных работах ЛО ИНА принимали участие также многие китаеведы других учреждений Ленинграда и Москвы: акад. Н. И. Конрад, Е. А. Серебряков, В. В. Петров, Л. З. Эйдлин, С. Е. Яхонтов, И. Э. Циперович, В. А. Вельгус, Е. И. Лубо-Лесниченко, М. Л. Рудова (Пчелина), В. Н. Кривцов, Б. Л. Рифтин, А. Г. Шпринцин и др.

В рассматриваемый период восстанавливаются и интенсивно расширяются международные связи китаеведов. На протяжении десяти лет существования ЛО китаисты встречались со многими зарубежными учеными. Особенно многочисленны были контакты с зарубежными коллегами во время XXV МКВ. Результатом этого было восстановление научных связей и информации, а также книгообмена, нарушившегося во время войны. Библиотека ЛО получила возможность вести постоянный книгообмен с Пекинской государственной библиотекой в КНР (с конца 1966 г. этот обмен прервался), с крупнейшей востоковедной библиотекой и издательством Японии «Тоё бунко», с научными учреждениями в США, Франции, Чехословакии, Венгрии и других странах. Все это способствовало интенсивному росту синологических фондов библиотеки, особенно на китайском и японском языках. Важным результатом контактов было и то, что работы китаеведов начали появляться в зарубежных научных изданиях. Так, Ю. Л. Кроль

¹⁴⁷ Кроме того, в составе Дальневосточного кабинета были сотрудники и аспиранты по некитаеведческим специальностям: тибетологии, корееведению, японоведению, бирманистике.

опубликовал в европейских и американских журналах три статьи¹⁴⁸, И. С. Гуревич — одну¹⁴⁹, Л. Н. Меньшиков — одну¹⁵⁰. Зарубежные ученые опубликовали ряд сообщений и обзоров о работах советских китаеведов¹⁵¹.

Впервые после долгого перерыва научные сотрудники кабинета получили командировки в Китай. В долговременных командировках были Е. И. Кычанов (1964—1965), В. С. Спирин и С. А. Школяр (1965—1966), совершили поездки В. С. Колоколов и Б. Б. Вахтин. Все они по возвращении сообщали о результатах поездок и о своих впечатлениях. К этому нужно добавить, что Э. С. Стулова и А. А. Торопов были приняты в институт после окончания полного курса Пекинского университета (по направлению ЛГУ).

Возродились и многие организационные формы, существовавшие до войны. Вместе с этим появились и новые формы, обусловленные новыми задачами отделения и кабинета. В 1956—1959 гг. на заседаниях кабинета были прочтены многие доклады, отражавшие текущую работу его членов. В 1958 г. слушались доклады В. М. Штейна (о возникновении материалистических идей в древнем Китае), В. С. Спирина (философские идеи трактата «Хань Фэй-цзы»), З. И. Горбачевой (к вопросу о рабовладении в Китае), Б. Б. Вахтина (о цикле песен цзыгэ из юэфу эпохи Лючао), Н. А. Петрова (о Лян Ци-чао как романисте), Л. Н. Меньшикова (о бьяньвэнь в Дуньхуанском фонде ЛО ИНА), И. С. Гуревич (о «Бьяньвэнь об У Цзы-сюе»). На заседании кабинета выступил Н. И. Конрад с докладом «Современное сравнительное литературоведение и литература Востока». В 1959 г. был прослушан доклад Б. Л. Смирнова о журнале «Чжунго юйвэнь». В 1963 г. с докладом о проблемах изучения эпохи Возрождения выступал Н. И. Конрад. Позднее китаеведы кабинета представляли доклады на различных конференциях, симпозиумы и дискуссии, что обеспечивало более широкую аудиторию и часто более детальное обсуждение специалиста-

¹⁴⁸ J. L. Kroll, Notes on Han Law, — T'oung Pao, 1964, vol. 51, стр. 125—139; его же, Two Approaches to Shihchi Translations, — OLZ, 1965, vol. 60, № 3/4, стр. 117—129; его же, A Tentative Classification and Description of the Structure of Peking Common Sayings (Hsieh-houyu), — JAOS, 1966, vol. 86, № 3, стр. 267—276.

¹⁴⁹ J. S. Gurevič, Numeration Constractions in the Chinese Language of the III—V Centuries A. D., — AOr, 1966, № 34, стр. 524—534.

¹⁵⁰ См. перевод: Оно Риси и Огава Тамаки, Рукопись «Сон в красном тереме», обнаруженная в Ленинграде (на яп. яз.), — «Мин-Син бунгаку гэнго кэнкюкай кайхо», 1965, № 2, стр. 1—19.

¹⁵¹ Канаока Сёко, Три советские работы по изучению Дуньхуана (на яп. яз.), — «Тоё гакухо», Токио, 1965, т. 48, № 1, стр. 113—125; Мори Масао, Востоковедение в ЛО ИНА АН СССР (на яп. яз.), — «Тоё гакухо», Токио, 1966, т. 49, № 2, стр. 76—90; P. Demiéville, Manuscrits Chinois de Touen-houang à Leningrad, — T'oung Pao, vol. LI, 1964, стр. 355—376.

ми. В 1960 г. О. Л. Фишман выступила на организованной ИМЛ дискуссии «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур» с сообщением «О возможности сравнительно-исторического изучения сходных процессов в литературах Востока и Запада». В 1962 г. О. Л. Фишман приняла участие в дискуссии о реализме в литературах Востока¹⁵². В том же году состоялась первая всесоюзная сессия по восточной текстологии, на которой прочли свои доклады Ю. Л. Кроль («Текстологические проблемы «Ши цзи» Сыма Цяня»), М. И. Воробьева-Десятовская («Значение рукописей из Дуньхуана для установления канонического текста Ваджрачхедики»), Л. Н. Меньшиков («Проблемы текстологического исследования текстов бьяньвэнь»)¹⁵³.

Ю. Л. Кроль сделал доклад на 2-й Всесоюзной конференции по истории древнего Востока — «Ханьские регистрирующие записи (Хань чжу цзи)»¹⁵⁴.

В 1963 г. в Ленинграде состоялась конференция литературоведов-синологов, на которой с докладами выступили Г. П. Максимова («Жанровые особенности южной драмы»), О. Л. Фишман («О китайском сатирическом романе XVIII — начала XIX века»), Л. Н. Меньшиков («Буддизм и китайская литература») и Б. Б. Вахтин («Проблемы перевода на русский язык произведений китайской классической поэзии»)¹⁵⁵. В ЛГУ прошла научная конференция по историографии и источниковедению, где свои доклады прочли С. А. Школяр («Военные взгляды Чэнь Гуя»), З. И. Горбачева («У истоков китайской исторической критики») и Ю. Л. Кроль («Выдумывал ли Сыма Цянь речи для исторических лиц?»)¹⁵⁶.

В 1965 г. А. С. Мартынов сделал сообщение «Об одной специфической черте восточного государства» на дискуссии об азиатском способе производства¹⁵⁷. В 1966 г. на конференции о жанрах и стилях литератур Дальнего Востока выступили

¹⁵² «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Материалы дискуссии», М., 1961, стр. 412—415; «Проблемы становления реализма в литературах Востока. Материалы дискуссии», М., 1964, стр. 80—92.

¹⁵³ Г. Алиев, Л. Концевич, Первая Всесоюзная сессия по восточной текстологии, — НАА, 1962, № 5, стр. 222—226.

¹⁵⁴ См.: И. Д., II всесоюзная сессия по изучению древнего Востока, — ВДИ, 1963, № 1, стр. 178.

¹⁵⁵ Г. П. Максимова, Конференция литературоведов-синологов, — НАА, 1963, № 3, стр. 182—183.

¹⁵⁶ «Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (22—25 января 1963 г.)», Л., 1963, № 3, стр. 21—23, 45—46, 61—63.

¹⁵⁷ «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства)», М., 1966. См. также: Л. С. Васильев, Общее и особенное в историческом развитии стран Востока, — НАА, 1965, № 6, стр. 97—99.

М. В. Воробьев («О литературе в чжурчжэньском государстве Цзинь»), Ю. Л. Кроль («Опыт классификации и описания структуры пекинских поговорок сехоуя»), Э. С. Стулова («Проблема изучения жанра баоцзюань»), О. Л. Фишман («Жанровые особенности китайского сатирического романа эпохи Просвещения») и Л. Н. Меньшиков («Особенности китайских апокрифов») ¹⁵⁸. Л. Н. Меньшиков прочел также доклад на международном симпозиуме по восточным литературам («Проблемы изучения окружения бяньвэнь») ¹⁵⁹.

В 1963 г. кабинет был разделен на Группу по изучению и исследованию коллекции дуньхуанских рукописей (рук. Л. Н. Меньшиков), Группу по описанию и исследованию коллекции китайских ксилографов (во главе с Б. Б. Вахтиным), Литературоведческую (рук. О. Л. Фишман), Лингвистическую (рук. И. Т. Зограф), Группу истории и идеологии (рук. В. С. Спирин). С этого времени научная работа сосредоточивается в перечисленных группах, кабинет же играет роль в основном объединяющую и направляющую.

Китаисты ЛО ИНА принимали также постоянное участие в работе исторической, лингвистической, литературоведческой секций отделения. Так, на лингвистической секции были заслушаны доклады И. С. Гуревич («К вопросу о границах между словом и словосочетанием в современном китайском языкознании», 1960), Е. И. Кычанова («Некоторые вопросы, связанные с дешифровкой системы письма Си Ся», 1960), Б. Л. Смирнова («К вопросу о формировании литературно-письменных норм языков малых народов Китая», 1961), А. П. Терентьева-Катанского («Неизвестные знаки в памятниках тангутской письменности», 1965); на литературоведческой — доклады О. Л. Фишман («Зарождение новеллы в китайской литературе», «Европейские просветители и Китай», 1960), «Китайское просветительское движение XVII—начала XIX в.», 1961), Б. Б. Вахтина («К проблеме перевода китайской средневековой лирики», 1964), Е. И. Кычанова («Тангутские пословицы. Проблема перевода и исследования»), Л. Н. Меньшикова («О китайском классическом стихосложении», 1965) ¹⁶⁰, на исторической — доклады В. М. Штейна («Географические пути следования европейских захватчиков на Восток и вопрос об азиатском капитализме»), Е. И. Кычанова («Об одной попытке организации военного союза против Чингисхана в 1218—1224 гг.», 1962), Л. И. Чугуевского —

¹⁵⁸ «Жанры и стили литератур Дальнего Востока», Тезисы докладов научной конференции, Л., 1966, стр. 3—5, 18—20, 43—45, 47—49; см. также: И. С. Лисевич, Жанры и стили литератур Дальнего Востока, — НАА, 1966, № 5, стр. 234—237.

¹⁵⁹ «Тезисы докладов по теоретическим проблемам восточных литератур», М., 1966, стр. 71—73.

¹⁶⁰ См. также сообщение: Ю. Б., Обсуждение первой книги из серии «Литература Востока», — НАА, 1963, № 1, стр. 241—242.

об изучении документов из Дуньхуана — на заседании 1964 г., посвященном методике изучения документов.

Наиболее эффективной формой отчетов о научной работе оказались ежегодные научные сессии ЛО, первая из которых состоялась в 1965 г. На ней прошли доклады К. В. Васильева («Древнекитайская историография и ее методы»), С. А. Школяра («Источники по истории доогнестрельной артиллерии в Китае»), Ю. Л. Кроля («Личность Чэнь Шэ — руководителя первого народного восстания в Китае — в освещении Сыма Цяня»), А. С. Мартынова («Дипломатия накануне маньчжурского похода в Непал»), О. Л. Фишман («Эпоха Просвещения в Китае»), Л. Н. Меньшикова («К вопросу об эволюции китайских этических установлений и ее отражение в китайском буддизме»), Э. С. Стуловой («Жанр баоцзюань и его историко-литературное значение») ¹⁶¹. На второй сессии (1966) прочитаны доклады: М. В. Воробьева («Естественно-научные в чжурчжэньском государстве Цзинь»), А. С. Мартынова («Фаньская периферия в эпоху Мин»), Ю. Л. Кроля («К литературоведческой характеристике «Записей историка»»), Л. Н. Меньшикова («Художественные средства и литературный процесс»), Л. К. Павловской («Пинхуа по истории Пяти династий» — об источниках и их использовании»), О. Л. Фишман («Китай в Европе XVII—XVIII вв.»), Б. Л. Смирнова («О возможности выделения формальных классов слов в древнекитайском языке на основе количественного анализа»), А. А. Торопова («К проблеме выделения единиц языка и лексических групп») ¹⁶². На третьей сессии были прочитаны доклады: Л. Н. Меньшикова («Академик В. М. Алексеев в Азиатском музее — Институте востоковедения»), К. В. Васильева («Из истории древнекитайской исторической прозы»), М. В. Воробьева («Уголовное право государства Цзинь»), Ю. Л. Кроля («Вопрос о том, что в «Записях историка» написал Сыма Цянь»), А. С. Мартынова («Отражение восточно-азиатской политической структуры в идеологии эпохи Цинь»), С. А. Школяра («К вопросу о характере так называемых „мусульманских орудий“ в Китае XIII в.»), Л. К. Павловской («Пинхуа по истории Пяти династий» — о композиционных особенностях), О. Л. Фишман («Цзи Юнь в оценке современного китайского литературоведения»), А. А. Торопова («Лексико-грамматические принципы составления словаря средневекового китайского языка») ¹⁶³.

¹⁶¹ См. ПИКНВ, I, стр. 3—7, 21—24, 31—33, 35—36, 40—44; см. также: Н. В. Елисеева, Годичная сессия Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, — НАА, 1965, № 5, стр. 228—230.

¹⁶² ПИКНВ, II, стр. 2—4, 19—20, 32—36, 42—44, 48—49, 65—68; см. также: Н. В. Елисеева, Вторая научная сессия Ленинградского отделения Института народов Азии, — НАА, 1966, № 5, стр. 230—233.

¹⁶³ ПИКНВ, III, стр. 6—8, 14—15, 42—45, 47—49, 54—58, 66—68, 77—78, 81—83, 101—102.

Перечисленные доклады, сообщения и выступления в значительной мере отражают научные интересы большинства китаистов отделения. Поэтому далее, при ознакомлении с работами более общего характера, но на те же темы, нужно иметь в виду и все то, что здесь упомянуто (повторных отсылок мы делать не будем).

Китаеведы принимают участие также в организации изучения истории культуры народов Востока. В группу, объединяющую работу отделения в этом направлении, входят О. Л. Фишман (руководитель), Б. Б. Вахтин, В. С. Спирин, М. И. Ульман. Они приняли участие в написании проспекта изучения культуры народов Востока (1964—1965). О. Л. Фишман является также ответственным секретарем редколлегий серии «Культура народов Востока». В редколлегии серии «Памятники письменности Востока» входит Л. Н. Меньшиков.

Возродилась обработка китайских фондов библиотеки, охватившая больший объем хранящихся в отделении материалов, чем это было до войны. Составление каталога китайской части впервые было поставлено на твердую библиографическую основу и подчинено общеобязательным библиотечным правилам. Основную работу в этом направлении провела Л. К. Павловская и руководимая ею группа (С. Д. Данилова, А. П. Терентьев-Катанский, отчасти К. Б. Кепинг). Группа эта существовала в 1958—1962 гг. и полностью пересоставила за это время каталог китайской части библиотеки (исключая ксилографический фонд). После этого Л. К. Павловская перешла к изучению китайской литературы, А. П. Терентьев-Катанский и К. Б. Кепинг — на обработку Тангутского фонда. Текущие поступления до 1967 г. обрабатывала С. Д. Данилова, а с 1967 г. — И. Э. Циперович. В 1967 г. Л. К. Павловская составила путеводитель по китайскому книжному фонду Библиотеки ЛО.

Обработка архивных материалов по китаеведению проводилась в течение всего периода существования отделения. Важным результатом этой работы явились публикации оставшихся в рукописи работ К. К. Флуга (подготовила З. И. Горбачева), Ю. К. Щуцкого (подготовил Н. А. Петров) и серии работ В. М. Алексеева (подготовка к печати проводилась его дочерью М. В. Баньковской при помощи ряда китаистов отделения)¹⁶⁴. Кроме того, описание архивных фондов китаеведов проводил Л. И. Чугуевский, составивший обзоры фондов Н. Я. Бичурина¹⁶⁵, П. А. Дмитриевского, П. И. Каменского, китайской прессы периода Синьхайской революции,

¹⁶⁴ См. прим. 49, 85 (кн. К. К. Флуга и Ю. К. Щуцкого) и 17, 20, 73, 112 (кн. В. М. Алексеева); К. К. Флуг, *Сунь Синь-янь (1753—1818)*, Библиографическая заметка, — сб. «Дальний Восток», стр. 232—248.

¹⁶⁵ Л. И. Чугуевский, *Бичуринский фонд в архиве ИВ*; его же, *Новое о рукописном наследии Н. Я. Бичурина*, — НАА, 1967, № 3, стр. 127—130.

В. П. Тарановича, А. В. Рудакова, П. Л. Шиллинга¹⁶⁶, материалов из фонда Г. Ф. Смыкалова¹⁶⁷. Л. И. Чугуевский написал также путеводитель по фондам Китаеведов и японистов ИВ. Э. С. Стулова в 1960 г. разобрала фонды П. А. Дмитриевского и А. О. Ивановского, а А. П. Терентьев-Катанский составил описание рисунков животных в альбомах Э. В. Бретшнейдера¹⁶⁸, П. Е. Скачков опубликовал письма Бичурина¹⁶⁹, а Н. А. Петров сделал описание словарей и библиографических работ¹⁷⁰. Изучением жизни и деятельности Китаеведа XVIII в. А. Л. Леонтьева занимался в 1959 г. В. С. Колоколов, П. Л. Шиллинга — Л. И. Чугуевский.

В Ленинградском отделении возобновилась систематическая обработка фондов китайских рукописей и киелографов. По инициативе заведующего отделением акад. И. А. Орбели и В. С. Колоколова в начале 1957 г. была образована Дуньхуанская группа первоначально из трех человек — Л. Н. Меньшиков, В. С. Спирин и С. А. Школяр — для подготовки научного описания коллекции китайских рукописей, собранной в 1914—1915 гг. экспедицией С. Ф. Ольденбурга в Дуньхуане (пров. Ганьсу). С 1958 г. в группу вошли также М. И. Воробьева-Десятовская, И. С. Гуревич, затем И. Т. Зограф, Б. Л. Смирнов, А. С. Мартынов. В 1963—1964 гг. в группе работали также Е. А. Виноградов, С. Д. Данилова, А. А. Кондратьев, Л. К. Павловская, З. Я. Ханнин, Л. И. Чугуевский. С 1964 г. членами группы опубликовано два выпуска описания рукописей (более четверти всего фонда)¹⁷¹; в

¹⁶⁶ Л. И. Чугуевский, Дмитриевский Павел Андреевич (фонд 14). — БАВ ЛО ИНА, вып. 1, 1961, стр. 8—10; его же, Каменский Петр (Павел) Иванович (фонд 24), — там же, стр. 14—20; его же, Китайская пресса периода Синьхайской революции (в русских переводах), — там же, стр. 40—42; его же, Таранович Владимир Павлович (фонд 102), — БАВ ЛО ИНА, вып. 2, 1961, стр. 28—38; его же, Рудаков Аполлинарий Васильевич (фонд 96), — БАВ ЛО ИНА, вып. 3, 1963, стр. 53—62; его же, Шиллинг Павел Львович (фонд 56), — там же, стр. 63—86.

¹⁶⁷ Л. И. Чугуевский, Периодическая печать на китайском языке в СССР (1917—1937), — ПБ, 1959, № 4, стр. 71—76.

¹⁶⁸ А. П. Терентьев-Катанский, Рисунки животных в альбомах из фонда Э. В. Бретшнейдера, — БАВ ЛО ИНА, вып. 3, 1963, стр. 289—310.

¹⁶⁹ См.: П. Е. Скачков, Письма Н. Я. Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы, — НАА, 1962, № 1, стр. 100—102.

¹⁷⁰ Н. А. Петров, Библиографические работы Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР (Ленинградское отделение), — КСИВАН, 1957, № 25, стр. 96—102; его же, К истории изучения китайского языка в России (Рукописные словари, хранящиеся в Архиве востоковедов ЛО ИНА АН СССР), — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 65—90.

¹⁷¹ М. И. Воробьева-Десятовская и др., Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда, вып. 1; М. И. Воробьева-Десятовская, И. Т. Зограф, А. С. Мартынов, Л. Н. Меньшиков, Б. Л. Смирнов, Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Под ред. Л. Н. Меньшикова, вып. 2, М., 1967.

настоящее время продолжается описание оставшейся части. Руководит работой группы Л. Н. Меньшиков. Наряду с описанием были опубликованы некоторые уникальные рукописи из фонда как в виде отдельных книг, так и в виде статей — все они сопровождалось детальным анализом публикуемых текстов¹⁷².

За первый выпуск описания и публикации по Дуньхуану в серии «Памятники литературы народов Востока» Французская Академия надписей и изящной словесности присудила ЛО премию Станислава Жюльена за 1964 г.¹⁷³

В 1966 г. Л. Н. Меньшиков подготовил к публикации исследование еще одного уникального текста из Дуньхуана — «Бяньвэнь о воздаянии за милости» — и готовит другие неизвестные рукописи жанра бяньвэнь.

Над большой группой хозяйственных, официальных, монастырских документов из Дуньхуанской коллекции работает Л. И. Чугуевский; над другой группой (библиотечные документы) — сотрудник ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина М. И. Демидова.

В рассматриваемый период продолжалась работа над составлением каталога коллекции китайских ксилографов. В 1960 г. была образована новая группа, в которую вошли Б. Б. Вахтин (рук.), Э. С. Стулова, А. А. Торопов, Л. Г. Казакова. В 1962 г. группу дополнили И. С. Гуревич и Ю. Л. Кроль. Образовавшийся коллектив провел полную инвентаризацию фонда и в 1967 г. завершил составление каталога. Э. С. Стулова отобрала из ксилографического фонда уникальное издание «Баоцзюань о Пу-мине» и работает над подготовкой его к публикации, а также над исследованием жанра баоцзюань в целом (в этой работе приняли также участие московский китаист Б. Л. Рифтин и Л. Г. Казакова)¹⁷⁴.

Другие рукописные фонды изучены и описаны в меньшей степени, чем ксилографический и дуньхуанский. Над китайской частью коллекции П. К. Козлова еще в 1956 г. стал работать Л. Н. Меньшиков¹⁷⁵, однако систематическое изу-

¹⁷² Л. Н. Меньшиков, Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений». Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии, сер. ПЛНВ. Тексты. Малая серия, VIII, М., 1963; его же, Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ, — сер. ПЛНВ. Тексты. Большая серия, XV, М., 1963; И. С. Гуревич, Фрагмент бяньвэнь «О жизни Будды», — КСИНА, 1965, № 69, стр. 99—115; Л. Н. Меньшиков, Фрагмент неизвестной лэйшу из Дуньхуана, — КСИНА, 1965, № 9, стр. 77—98.

¹⁷³ «Palmarès» — Académie des Inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1965, Paris, 1966, стр. 470.

¹⁷⁴ Б. Рифтин, Л. Казакова, Э. Стулова, Ли Ши-хой. Сводный каталог «драгоценных свитков», — НАА, 1963, № 1, стр. 216—220.

¹⁷⁵ См.: Л. Н. Меньшиков, Раннепечатные издания из Хара-хото.

чение ее началось лишь в 1966 г., когда была образована группа в составе Л. Н. Меньшикова и М. И. Ульмана, приступившая к описанию этой коллекции. Так называемый Новый фонд китайских рукописей изучался лишь эпизодически Б. Л. Рифтиным и Л. Н. Меньшиковым¹⁷⁶, фонд же эстампажей до сих пор не привлек к себе внимания специалистов. Картографический китайский фонд разбирал Л. И. Чугуевский.

Библиографические работы по Китаю вел П. Е. Скачков. В 1960 г. он выпустил в свет переработанное и дополненное издание своей библиографии работ о Китае на русском языке, доведенное до 1957 г.¹⁷⁷

Работа по составлению библиографии на русском языке по Китаю продолжалась и в последующие годы; кроме П. Е. Скачкова в ней приняли участие также Л. И. Чугуевский, О. Э. Ливотова, М. И. Демидова и В. П. Журавлева (сотрудник ФБОН). Вторая часть библиографии (1957—1962) подготовлена к печати и сдана в издательство. Библиографию библиографий по китайской книге подготовил А. А. Торопов. Весь кабинет в 1961 г. принял участие в составлении аннотированной рекомендательной библиографии «Что читать о Китае», которая была завершена, но в свет не вышла¹⁷⁸. К истории китайской библиографии обратилась и Л. К. Павловская, составившая описание индексов (иньдэ), выпущенных Харвард-Янцзинским университетом. Ей же в соавторстве с Л. Н. Меньшиковым принадлежит обзор истории китайской библиографии; работы сданы в печать.

Значительную работу по изучению истории китаеведения в России выполнил П. Е. Скачков, написавший на эту тему большую книгу, доведенную до 1917 г. (она еще не издана). Он собирался продолжить ее и написать историю китаеведения в СССР, но не успел осуществить свое намерение¹⁷⁹. Появлялись статьи по истории китаеведения в России и СССР, написанные другими сотрудниками¹⁸⁰.

Изучение истории Китая велось систематически, хотя и по проблемам сравнительно частного характера. В рассматриваемый период В. М. Штейн, завершив свою работу над

¹⁷⁶ Л. Н. Меньшиков, Б. Л. Рифтин, Неизвестный список романа «Сон в красном тереме», — НАА, 1964, № 5, стр. 121—128.

¹⁷⁷ П. Е. Скачков, Библиография Китая, М., 1960.

¹⁷⁸ Рукопись хранится в АВ, см. ф. 67, оп. 1, № 6.

¹⁷⁹ По истории китаеведения Скачковым опубликовано лишь несколько статей, составляющих незначительную часть его труда: П. Е. Скачков, Значение рукописного наследия русских китаеведов, — ВИ, 1960, № 1, стр. 116—123; его же, Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России (Джоу Гэ), — ПВ, 1960, № 3, стр. 198—201; его же, История изучения Китая в России в XVII—XVIII вв.

¹⁸⁰ З. И. Горбачева, Л. Н. Меньшиков, Н. А. Петров, Китаеведение в Ленинграде.

трактатом «Гуань-цзы», выпустил в свет книгу и статью на эту тему¹⁸¹. Его по-прежнему интересовала история внешних сношений Индии и Китая, что кроме статей нашло также свое отражение в двух выпусках книги о китайско-индийских отношениях (второй выпуск остался неопубликованным). Одновременно появились его работы, посвященные развитию экономических и географических взглядов в древнем Китае и генезису капитализма в странах Востока¹⁸². Большая тема «Возникновение, развитие и распад колониальной системы в Азии», которую он начал в 1962 г., осталась незавершенной.

Вопросами древней китайской историографии занимались Ю. Л. Кроль, К. В. Васильев, отчасти З. И. Горбачева. Ю. Л. Кроль долгое время работал над изучением труда Сыма Цяня «Записи историка» — его интересовали вопросы истории текста и источников труда «Ши цзи» Сыма Цяня, а также Сыма Цянь как историк восстания III в. до н. э., во главе которого стояли Чэнь Шэ, У Гуан, Лю Бан и Сян Юй. Он напечатал ряд статей на эту тему и закончил монографию о Сыма Цяне¹⁸³. Темой К. В. Васильева явился исторический труд III в. до н. э. «Планы сражающихся царств» («Чжаньго цзэ»). Он также опубликовал несколько статей и подготовил к печати книгу об этом историческом источнике, в которой дан его текстологический анализ и определено его значение для изучения истории Китая¹⁸⁴. В настоящее время Кроль и Васильев продолжают свои историографические исследования древнего Китая. Первый изучает «Новые речения» Лу Цзя, второй — «Речи царств» и надписи на бронзовых сосудах. Из работ З. И. Горбачевой (изучение истории Китая

¹⁸¹ В. М. Штейн, Гуань-цзы. Исследование и перевод, М., 1959, его же, Трактат «Гуань-цзы» и его место среди экономической литературы древнего Китая, — УЗИБАН, т. XVI, 1958, стр. 78—108.

¹⁸² В. М. Штейн, Из истории отношений между Китаем и Индией, — СВ, 1957, № 6, стр. 65—73; его же, Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности (до III в. н. э.), М., 1961; его же, О возникновении первых экономико-географических представлений и описаний у китайцев, — «Страны и народы Востока», вып. 1, 1959, стр. 194—203; его же, Были ли в экономике стран Востока элементы капитализма до вторжения европейских держав? — ПВ, 1959, № 1, стр. 37—48.

¹⁸³ Ю. Л. Кроль, «Весна и осень княжеств Чу и Хань» Лу Цзя, — НАА, 1961, № 4, стр. 133—144; его же, Критическая работа Сыма Цяня над текстом «Весны и осени княжеств Чу и Хань» Лу Цзя, — ВФИСЗВ, стр. 137—147; его же, О некоторых особенностях метода использования источников в «Исторических записках» Сыма Цяня, — сб. — «Дальний Восток», стр. 117—139.

¹⁸⁴ К. В. Васильев, Об авторстве «Чжаньго цзэ», — УЗ ЛГУ, СВН, вып. 10, 1959, стр. 116—129; его же, Об источниках «Чжаньго цзэ», — там же, вып. 14, 1962, стр. 125—139; его же, Пожалоование «поселений» и раздача земель в древнем Китае в V—VIII вв. до н. э., — ПСЭИДМ, стр. 110—126; его же, «Чжаньго цзэ» и древний Китай в V—III вв. до н. э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. исторических наук, Л., 1966.

периода Сун, вопрос о рабовладении в Китае, китайская историография с III по XII в. н. э.) увидела свет лишь одна небольшая статья ¹⁸⁵.

В. С. Колоколов переводит на русский язык произведения, входящие в состав конфуцианского канона. Он завершил перевод конфуцианского четверокнижия «Сы шу» (Лунь юй, Да сюэ, Чжун юн, Мэн цзы) и начал перевод «Книги ритуала» («Ли цзи»).

Экономику современного Китая (вопросы ренты в кооперативах и народных коммунах) изучал Е. А. Виноградов ¹⁸⁶. С 1962 г. до своего перехода в ЛГУ (в 1964 г.) он изучал также историю денежного обращения в Китае.

Историю китайской военной мысли изучает С. А. Школяр, завершающий монографию по военной технике эпохи Сун ¹⁸⁷.

Наряду с изучением собственно Китая китайисты ЛО обращались также к истории сопредельных с ним стран. Б. И. Панкратов, изучавший китайские источники по ранней истории монголов, завершил свою работу публикацией текста «Секретной истории монголов» («Юань-чао би-ши») ¹⁸⁸, которую намеревался продолжить реконструкцией старомонгольского текста и переводом его на русский язык. Историей чжурчжэньского государства Цзинь занимались Е. И. Кычанов ¹⁸⁹ и М. В. Воробьев. Последний работает над составлением очерка истории и культуры государства Цзинь ¹⁹⁰.

¹⁸⁵ З. И. Горбачева, К вопросу о значении термина бинь-кэ (По материалам ханьских хроник), — «Географическое общество. Материалы Восточной комиссии», вып. 1, Л., 1962, стр. 61—65.

¹⁸⁶ Е. А. Виноградов, Вопросы земельной ренты в кооперативах низшего типа Китайской Народной Республики. Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук, М., 1963; его же, Ленинский Кооперативный план — теоретическая основа социалистического преобразования сельского хозяйства стран народной демократии Азии, — «Научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Тезисы докладов. Секция востоковедения», Л., 1960, стр. 8—9; его же, О природе и формах земельной ренты в производственных кооперативах низшего типа Китайской Народной Республики, — «Уч. зап. кафедр обществ. наук вузов г. Ленинграда. Политическая экономия», II, 1960, стр. 107—131.

¹⁸⁷ С. А. Школяр, О китайских огнеметных аппаратах XI в. (Из истории китайской военной техники), — ВФИСЗВ, М., 1961, стр. 161—171; его же, Фэн Цзя-шэн, Изобретение пороха и его распространение на Запад, — ВИЕТ, 1960, № 9, стр. 176—179.

¹⁸⁸ «Юань-чао би-ши (Секретная история монголов)», 15 цзюаней, т. I, Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова, М., 1962.

¹⁸⁹ Е. И. Кычанов, Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования), — «Сибирский археологический сборник», Новосибирск, 1966, стр. 269—281.

¹⁹⁰ М. В. Воробьев, Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь, — ДЭГО СССР, вып. 1 (4), 1966, стр. 3—27; его же, Религиозные верования чжурчжэней, — там же, вып. 4, стр. 61—82.

А. С. Мартынов изучает в основном по китайским материалам историю китайско-тибетских отношений в XVI—XVIII вв. Им завершены и частично опубликованы две работы на эту тему: «Маньчжурско-тибетские отношения конца XVIII в. и китайско-непальская война» и «Отношения Китая с тибетцами при династии Мин»¹⁹¹. Истории Синьцзяна и Внутренней Монголии по китайским источникам касались А. А. Кондратьев (о его работе говорилось ранее) и К. В. Васильев¹⁹². Кроме того, историей уйгур в Синьцзяне в X—XIX вв. занимались Г. М. Ибрагимов и Д. И. Тихонов, но они работали почти без учета китайских источников¹⁹³.

Историей философии Китая занимается В. С. Спирин, темой которого является изучение логической системы в древнекитайской философии. Начав с трактата «Хань Фэй цзы», он в 1962 г. перешел к исследованию источников по истории логики в древнем Китае. Свои выводы Спирин приложил к древним философским трактатам «Дэн Си цзы», «Инь Вэнь цзы», «Чжун юн» и в настоящее время устанавливает терминологию, употреблявшуюся в древнекитайской логике¹⁹⁴.

Лингвистическая группа ведет систематические исследования главным образом в области исторической грамматики китайского языка, а также в области лексикологии и лексикографии. Древнекитайским языком V—III вв. до н. э. занимается Б. Л. Смирнов, изучавший вначале слова-заместители в древнекитайском языке, перейдя затем к более широкой теме — части речи в древнекитайском языке. Более поздний период (III—V вв. н. э.) изучался И. С. Гуревич, установившей, что в этот период в древнекитайском языке наметились черты перехода к среднекитайскому¹⁹⁵. Вопросами среднеки-

¹⁹¹ А. С. Мартынов. О первых чеканках монеты в Тибете, — КСИНА, 1965, № 69, стр. 197—202; его же, О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (Предыстория маньчжурского похода в Непал в 1792 г.), — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1967, стр. 243—263; его же, Дипломатия накануне маньчжурского похода в Непал (1791—1792), — ПИКНВ, I, Л., 1965, стр. 31—33; его же, Фаньская периферия в эпоху Мин, — ПИКНВ, II, Л., 1966, стр. 19—20; его же, Отражение восточноазиатской политической структуры в идеологии эпохи Цин, — ПИКНВ, III, Л., 1967, стр. 57—58.

¹⁹² К. В. Васильев, Археологические исследования по Внутренней Монголии, — ВДИ, 1959, № 3, стр. 163—171.

¹⁹³ Исследования Д. И. Тихонова завершились книгой: Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966.

¹⁹⁴ Некоторые важные положения этих исследований см. в ст. В. С. Спирина, О «третьих» и «пятых» понятиях в логике древнего Китая, — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 173—223.

¹⁹⁵ И. С. Гуревич, Грамматические особенности китайского языка III—V вв. (По переводам на китайский язык произведений буддийской литературы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канди-

тайского языка продолжала заниматься И. Т. Зограф. Закончив изучение языка периода Сун, она исследовала наиболее ранний этап среднекитайского языка — язык жанра бяньвэнь VII—XI вв. (работа сдана в издательство), а ныне перешла к самому последнему его этапу — языку драмы периода Юань (XIII—XIV вв.).

Лексику современного китайского языка и особую группу китайских идиоматических выражений — чэньюев — изучали А. А. Торопов и Э. С. Стулова¹⁹⁶. Они составили китайско-русский словарь чэньюев (пока не опубликован). В последние годы Торопов работает также над разделом «Лексика» для грамматики современного китайского языка и изучает лексику среднекитайского языка по памятнику «Цзин бэнь тунфу сяошо». И. Т. Зограф составила словарь к «Бяньвэнь о воздаяниях за милость».

Китаисты-литературоведы работали над изучением ряда узловых жанров и периодов в истории китайской литературы. Б. Б. Вахтин изучал историю китайской народной поэзии жанра юэфу в конце I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э.¹⁹⁷. Изучением источника китайской повествовательной прозы — сяошо — периода Лю-чао (III—VI вв.), в частности памятником IV в. «Соу шэнь цзи» («Понски духов»), занимался Л. Н. Меньшиков¹⁹⁸. Вахтин изучает в настоящее время сборник лирической поэзии древнего Китая «Юй тай синь юн». Поэзия периода Тан (Ли Бо) и танская новелла чуаньци были предметом изучения О. Л. Фишман¹⁹⁹. Творчество Ли Бо нашло свое отражение также в работе Б. И. Панкратова²⁰⁰.

Важный жанр китайской простонародной литературы — бяньвэнь конца периода Тан (VIII—X вв.) изучает

дата филологических наук, Л., 1964; ее же, Взгляды Лу Чжи-вэя по вопросам теории слова и частей речи в китайском языке, — ВФИСЗВ, М., 1961, стр. 190—198; ее же, Личные местоимения в китайском языке III—V вв., — КСИНА, 1964, № 68, стр. 90—98.

¹⁹⁶ Э. С. Стулова, Классификация и синтаксические функции «чэньюев», — КСИНА, 1964, № 68, стр. 82—89; А. А. Торопов, Чэньюи и их свойства, — сб. «Спорные вопросы строя китайского языка», М., 1965, стр. 110—134.

¹⁹⁷ Б. Б. Вахтин, Возникновение юэфу, — СК, 1958, № 3, стр. 125—129; его же, О песне «К востоку от кургана Пинлин», — сб. «Дальний Восток», стр. 5—8; его же, Юэфу эпох Хань и Наньбэйчао — памятник китайской поэзии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1959; его же, Юэфу. Из древних китайских народных песен, М.—Л., 1959.

¹⁹⁸ См.: Гань Бао, Понски духов, — «Восточная новелла», М., 1963, стр. 15—26.

¹⁹⁹ О. Л. Фишман, Ли Бо. Жизнь и творчество, М., 1958; ее же, Танские новеллы, перевод с китайского О. Фишман и А. Тишкова, М., 1960; ср. более раннюю книгу «Танские новеллы» (изд. АН).

²⁰⁰ См. его предисловие к кн.: Ли Бо, Избранная лирика. Перевод с китайского Александра Гитовича, М., 1957, стр. 5—19.

Л. Н. Меньшиков (о чем говорилось выше). Ему же принадлежат статьи о драме XIII в. «Западный флигель», перевод этой пьесы, а также работа, посвященная чжугундяо — песенно-повествовательному жанру XII—XIII вв.²⁰¹ Народный роман периода Сун-пинхуа, и прежде всего наиболее ранний образец этого жанра — «Пинхуа по истории Пяти династий» («У-дай ши пинхуа»), — изучает Л. К. Павловская. И. Т. Зограф в связи со своими исследованиями среднекитайского языка ознакомила читателя со сборником новелл XIII в. «Популярные рассказы, изданные в столице»²⁰².

Систематически работает над историей китайской литературы XVII—XVIII вв. (эпоха Просвещения) О. Л. Фишман. Она начала изучение этой эпохи с романов «Цветы в зеркале» («Цзин хуа юань») и «Неофициальная история конфуцианцев» («Жу линь вай ши»), позднее ее изыскания в этой области завершились монографией о китайском сатирическом романе эпохи Просвещения²⁰³. В настоящее время она обратилась к малоизученным авторам этого же периода — Цзи Юню и Юань Мэю²⁰⁴.

Новая китайская литература не была предметом систематических исследований китаистов ЛО, однако отдельные работы о литературе XX в. все же выходили²⁰⁵. На грани литературоведческих и лингвистических исследований находится работа Ю. Л. Кроля над пекинскими народными образными выражениями «сехоуяй», собранными в Китае Б. И. Панкратовым; статьи и доклады Ю. Л. Кроля на эту тему уже упоминались ранее.

Наряду с исследованиями литературных памятников и связанными с ними исследованиями переводами ленинградские китаисты занимались и собственно переводами классической и современной китайской литературы. Здесь их деятельность далеко не ограничивалась перечисленными тема-

²⁰¹ Л. Н. Меньшиков, К вопросу об авторе «Западного флигеля», — ПВ, 1961, № 1, стр. 149—151; его же, О новейших изданиях пьесы «Западный флигель», — НАА, 1961, № 6, стр. 165—167; его же, О жанре «чжугундяо» и Лю Чжи-юань чжугундяо, — ВФИСЗВ, стр. 78—82; Ван Ши-фу, Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну. Перевод, предисловие и примечания Л. Н. Меньшикова, М.—Л., 1960.

²⁰² «Пятнадцать тысяч монет». Средневековые китайские рассказы. Перевод И. Т. Зограф, М., 1962.

²⁰³ О. Л. Фишман, О китайском сатирическом романе «Неофициальная история конфуцианцев», — сб. «Дальний Восток», стр. 95—114; ее же, Ли Жу-чжэнь и его роман «Цветы в зеркале». Перевод с китайского. Издание подготовили В. А. Вельгус, Г. О. Монзельер, О. Л. Фишман, И. Э. Циперович, М.—Л., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 695—738; ее же, Китайский сатирический роман (Эпоха Просвещения), М., 1966.

²⁰⁴ См.: Юань Мэй, Гу Яо-нань и др., — сб. «Восточная новелла», М., 1963, стр. 27—35.

²⁰⁵ О. Л. Фишман, Литературная борьба в Китае 20-х годов, — ВЛ, 1958, № 3, стр. 188—203.

ми. Так, Б. Б. Вахтин и Л. Н. Меньшиков приняли участие как поэты-переводчики в составлении антологии китайской поэзии, а второй — и в антологии поэзии периода Тан²⁰⁶. Драматический период Юань переводили Меньшиков и Фишман²⁰⁷. Меньшиков — переводчик стихов в романе «Сон в красном тереме» (XVIII в.)²⁰⁸. Если к этому присоединить еще и переводы, выполненные в ходе исследовательских работ, то объем переводов будет достаточно большим. Много усилий потратили китаисты и на ознакомление советского читателя с китайской литературой XX в. Фишман перевела на русский язык ряд произведений Лу Синя²⁰⁹, а Меньшиков — стихи Лу Синя²¹⁰. Произведения Чжао Шу-ли появлялись в переводах Фишман, Вахтина, Меньшикова²¹¹; Тянь Ханя и других современных китайских писателей (Ван Тун-чжао, Сяо Пин, Сяо Хун) — в переводах Фишман²¹², Павловской²¹³. Китайские детские сказки и стихи поэтов Кореи, писавших на китайском языке, переводил Меньшиков²¹⁴. По вопросам теории перевода с китайского писал Вахтин²¹⁵.

На протяжении последнего периода истории китаеведения в ЛО китаеведы приступили к коллективным работам. Среди них помимо уже упомянутых выше важное место занимают подготовленные к печати, но пока не опубликованные очерки по истории китайской культуры. В этих очерках приняли участие почти все китаеведы. Для раздела «Литература» написали статьи: Б. Б. Вахтин (фольклор, поэзия периода Лючао), Л. Н. Меньшиков (проза периода Лючао, об истоках китайской драмы), О. Л. Фишман (литература эпохи Тан, периода династии Цин и первой половины XX в.), И. С. Гу-

²⁰⁶ «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)», М., 1956; «Антология китайской поэзии, Перевод стихов, т. 1—4, М., 1957.

²⁰⁷ «Юаньская драма», М.—Л., 1966.

²⁰⁸ Цао Сюэ-цин, Сон в красном тереме, т. 1—2, М., 1958.

²⁰⁹ Лу Синь, — Собрание сочинений в четырех томах (в т. 1), М., 1954; его же, Избранное, М., 1956; сб. «Ложь не задушит правду», Л., 1959.

²¹⁰ «Из китайской классической поэзии. Стихи Лу Синя», — «Звезда», 1961, № 10, стр. 156.

²¹¹ Чжао Шу-ли, Избранное, М.—Л., 1958; Чжао Шу-ли, Фамильная драгоценность, Свердловск, 1959.

²¹² Тянь Хань, Гуань Хань-цин, М., 1959; Сяо Пин, Цветы дикой сливы, — «Восточный альманах», 1958, № 2, стр. 110—135; Сяо Хун, Весна в маленьком городе, — сб. «Восточная новелла», М., 1963, стр. 230—249.

²¹³ Ван Тун-чжао, Главнокомандующий, — там же, стр. 220—230.

²¹⁴ «Как дикая кошка искала себе дом», Л., 1957; «Из корейских классиков», — «Звезда», 1957, № 2.

²¹⁵ Б. Б. Вахтин, Возможен ли научный подход к художественному переводу? — НАА, 1965, № 3, стр. 139—146; его же, Развитие китайского стихосложения — древность, средние века, эпоха Возрождения (к проблеме перевода), — «Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада», М., 1967, стр. 259—264.

ревич (жанр бьяньвэнь), Н. А. Петров (литература 1840—1919 гг.), М. И. Ульман (литература в КНР), Л. К. Павловская (китайская справочная литература); в разделе «Историография» имеются статьи Ю. Л. Кроля (историография периода Хань), З. И. Горбачевой (историография III—VI вв. и периодов Суй, Тан, У дай, Сун, современная китайская историография), Е. И. Кычанова (источники по некитайским династиям Ляо, Цзинь, Си Ся); в разделе «Идеология» собраны работы В. М. Штейна (конфуцианство), В. С. Спирина (даосизм), М. И. Воробьевой-Десятовской (буддизм), С. А. Школяра (военное дело); в разделе «Наука, искусство, культурные связи» — статьи А. П. Терентьева-Катанского (история использования природных богатств Китая), Л. И. Чугуевского (периодическая печать в Китае), Е. И. Кычанова (роль китайской культуры для некитайских государств Бохай, Ляо, Си Ся и Цзинь), Г. М. Ибрагимовой (культура Синьцзяна), О. Л. Фишман (Китай в Европе XVII—XVIII вв.). Кроме того, в написании очерков участвовали многие китаеведы других учреждений Москвы и Ленинграда: Н. И. Конрад, Л. Е. Черкасский, В. А. Вельгус, И. Э. Циперович, В. И. Семанов, Р. С. Белоусов (литература), Л. И. Думан, Н. Ц. Мункуев, И. И. Тутов, А. А. Серкина, Г. В. Ефимов (историография), Ю. Н. Рерих, В. И. Кудрин, Г. Я. Смолин, Ян Хин-шун (идеология), М. И. Демидова, Т. П. Иоффе, Б. Л. Рифтин, Т. К. Шафрановская, Т. А. Ваганова, А. Г. Шпринцин, С. Е. Яхонтов, Е. И. Лубо-Лесниченко, М. Л. Рудова, В. С. Стариков, А. И. Мухлинов, Ю. В. Маретин. Эта работа была попыткой подвести итог развития китаеведения к началу 60-х годов и была весьма важна для дальнейших исследований китаеведов ЛО.

Еще одна важная работа китаеведов — сборник «Страна Хань»²¹⁶. Авторы этой книги поставили своей задачей создать популярные очерки по истории и культуре Китая. Предназначен сборник для учеников старших классов и учителей средней школы и остается пока единственным на русском языке пособием такого рода. З. И. Горбачева написала для школьников книгу о Китайской Народной Республике²¹⁷.

Популяризаторская деятельность китаеведов проходит также в форме публичных лекций, которые читаются в учреждениях и на предприятиях, в Географическом обществе и в Лектории ЛО. Лекции эти достаточно многочисленны и касаются различных проблем Китая, его истории, культуры, науки. В. М. Штейн читал лекции об экономической мысли

²¹⁶ Б. Вахтин, Р. Карлина, Ю. Кроль, Б. Панкратов, М. Рудова, О. Фишман, Страна Хань. Очерки о культуре древнего Китая, Л., 1959.

²¹⁷ З. И. Горбачева, Свободный Китай, М.—Л., 1952.

древнего Китая и о возникновении экономической географии Китая, Е. И. Кычанов — о тангутском государстве и его культуре, П. Е. Скачков — об истории китаеведения в России, Б. Б. Вахтин — о китайских мифах и легендах и о современном Китае. По последней теме с лекциями выступали также В. С. Спирин и С. А. Школяр, А. С. Мартынов читал о философии буддизма, А. П. Терентьев-Катанский — о китайских легендах и китайских книжных иллюстрациях, Л. Н. Меньшиков — о китайском театре, китайской письменности, дунхуанских рукописях, китайских коллекциях В. М. Алексеева.

Таким образом, в этот последний период, продолжающийся и сейчас, в ЛО ИВ восстановились и развиваются почти все стороны китаеведческой науки, которые были начаты еще в 20—30-х годах нашего века.

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ —
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор З. Д. Кафельская
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор М. М. Фридкина
Корректоры В. М. Качеткова
и Г. В. Стругова

Сдано в набор 1/VI 1971 г.
Подписано к печати 18/II 1972 г.
А-05556. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 2
Печ. л. 37,25. Уч.-изд. л. 41,85
Тираж 2000 экз. Изд. № 2223. Зак. № 624
Цена 3 р. 16 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
86	2 сл.	ИРКА	ИРКСА
131	4 сл.	ИБ	АВ
257	4 сл.	1964	1954
257	13 сл.	прим. 111	прим. 75
285	5 сл.	АН	АМ
306	5 сл.	Paşo	Paşto
348	4 сл.	Аме Аухадэддин Энвери	Али Аухадэддин Энвери
349	9 сл.	E. D. Koss	E. D. Ross
403	7—8 сл.	«Абу-л-Гази- Шаджара-и Тюрк»	Абу-л-Гази «Шаджара-и Тюрк»
477	6 сл.	géorglnnes	géorgiennes
500	2—3 сл.	Aegyptioruml	Aegyptiorum
584	26 сл.	Джала Ал-е Ахмад	Джалад Ал-е Ахмад
585	19 сл.	Исихама Дзюн- тарс	Исихама Дзюн- таро